

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

HW L47B 6

C

1248

19.80

248.19.80

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

16

Dubl

~~35~~

~~646~~

Григорій Яхимовичъ.

ГРИГОРІЙ ЯХИМОВИЧЪ ^Р 45862

И

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

ОЧЕРКЪ

Дмитрія Вьницковскаго.

Изданіе редакціи газеты „Галицкая Русь“.

ЛВОВЪ.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института.

Управитель Иванъ Пухирь.

1892.

95, / 10 / 11.

C 1248.19-80
✓

Keller fd,

П Р А Х У

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ ОТЦА

ГЯЛИЦКОЙ РҪСН

❧ ВЪ СТОЛѢТНЮЮ ГОДОВЩИНУ РОЖДЕНІЯ ❧

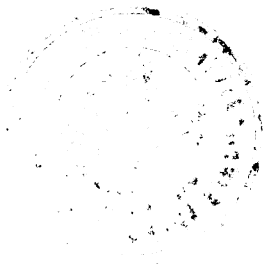
А ПРЕДОСТАЮЩУЮ

ТРИДЦАТИЛѢТНЮЮ ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ

ПОСВЯЩАЕТЪ

:

Аотеръ.

ВВЕДЕНИЕ.

Съ нѣкоторого времени вошло у насъ въ обычай, що якъ популярныя газетки и книжечки, такъ и календари подають біографіи выдающихся людей и то изъ каждого сословія, будь еще живущихъ и подвизающихся, будь кончившихъ уже свою довременную жизнь — густо-часто и съ ихъ портретами — щобы примѣрами, почерпнутыми изъ ихъ жизни, заохотити читающихъ къ полезной и подражанія достойной дѣятельности въ одномъ или другомъ направленіи. Случается тутъ, що не одного превозносятъ и величаютъ, можетъ и меньше достойного, а пропускають множество другихъ, можетъ не меньше заслужившихся, однако не выдвинувшихся на виднѣйшее становище.

Сто лѣтъ минаетъ въ тек. году съ времени рожденія, а сближается тридцатый годъ со дня смерти галицкаго митрополита Григорія Яхимовича, которому никто не доровналъ ни изъ предшественниковъ, ни наслѣдниковъ на митрополичемъ престолѣ галицкой Руси. Правда, що онъ поминается благодарно въ

устахъ и сердцахъ живою еще генерацію, що встрѣчаются о немъ численныя замѣтки и воспоминанія по газетамъ и календарямъ, но, на жаль великій, до теперъ нѣтъ у насъ его полной біографіи. И то весьма странно и печально!

Живущіи еще люди, знавшіи его, дѣйствовавшіи разомъ съ нимъ, во многомъ ему содѣйствовавшіи и знающіи майже все, а по крайней мѣрѣ весьма много, думаютъ вѣроятно, що и другому-третьему поколѣнью будетъ все такъ якъ имъ извѣстно и въ свѣжей памяти и вѣроятно для того не видятъ potrzeby, передати о томъ будущности. А можетъ, въ що я не хочу вѣрити, они не хотятъ покойного возвеличить, щобы себе не уменьшити? Будь що будь есть то великая невозвратимая шкода, бо съ временемъ многое-премное, а даже и все призабудется. А нынѣ, въ знаменательную сотную годовщину, больше чѣмъ когда-либо слѣдовало бы вспомнати о томъ: кто то первый предводилъ въ св. Юрѣ.

Въ касѣ „Народного Дома“ во Львовѣ сберегается давно сложенный небольшой фондъ на составленіе біографіи Григорія Яхимовича, теперъ уже вовсе ніякими пожертвованіями не уболюшающійся; устраивались прежде поминальныя богослуженія молодежью середнихъ школъ; послѣ дѣлалъ то уже только „Академическій Кружокъ“ ежегодно и правильно, въ тек. году, на превеликій жаль сказавши, уже и того не было, ни гдѣ въ публичномъ богослуженіи не была помянута память сего праведника-святителя. И що-жь мы будемъ о такъ великомъ челоуѣцѣ, якимъ

былъ Яхимовичъ, позднѣйше знати, що будутъ знати о немъ наши дѣти, если еще теперь, за-
благовременно, не перекажемъ будущности,
кто и чѣмъ былъ для галицкой Руси тотъ ве-
ликій человѣкъ?

Видя то все, мене охватилъ нѣкій родъ
негодованія, а сердцемъ моимъ овладѣла
скорбь. О времена, о обычаи! Или мы весьма
великіи люди, или неблагодарныи и недостой-
ныи негодяи!

Занимавшись біографическими очерками
для календаря Общества имени Мих. Качков-
ского, якъ именно: Куземского, Бѣлоуса, Ко-
брынского, Скобельского, Рожанковского, Грен-
джолы, Петрова и др., я радъ теперь, въ ны-
нѣшній пропамятный годъ, больше написа-
ти о Григоріи Яхимовичѣ, чѣмъ сдѣлалъ
то Вурцбахъ въ своемъ „Лексиконѣ“ 1863 г.,
гдѣ сему мужу посвятилъ полъ листка. Дѣй-
ствительно, що то выходитъ якобы на иронію,
щобы я писалъ о человѣцѣ, которого не имѣлъ
даже счастья въ моей жизни видѣти, когда
многіи другіи, знавшіи покойного лично, мол-
чатъ. Но было бы то съ другой стороны неу-
мѣстною и непростительною претенсією, отъ
чего мене сохрани Богъ, щобы я даже пробо-
валъ на теперь отвѣтити повышному заглавію
предлежащего очерка и то въ самое короткое
время. Я доволенъ буду, если въ будущности
успѣю воспользоватись якими нибудь на ту тему
мнѣ сообщенными благосклонными примѣча-
ніями и дополненіями, щобы съ временемъ
дѣйствительно що-то написать въ родѣ повыс-
шого заглавія, или, если то мнѣ не судилось,
щобы подати другимъ хотя бы основаніе для

такого сочиненія. И мнѣ въ томъ взглядѣ послужили источникомъ и примѣромъ, между иными, такіе сочиненія, якъ: Б. А. Дѣдицкого „Антоній Добрянскій“ (изд. Общества Качковскаго); тогожь: „Михайлъ Качковскій и современная русская литература“ 1875, Кароля Видмана: *Smolka i wiek jego*, Алексѣя Заклинскаго (старшого) автобіографія 1890 и др. Біографія Яхимовича лишь въ тотъ способъ дастся представить, жизнь бо его тѣсно связана съ исторією возрожденія галицкой Руси. Григорій Яхимовичъ то славнѣйшій человекъ въ исторіи XIX вѣка галицкой Руси, ему, безпрекословно, належится въ той исторіи первое мѣсто.

I.

Молодой вѣкъ Яхимовича.

(1792—1820.)

Григорій Яхимовичъ родился 6 февраля 1792 года, въ восемь лѣтъ по Снѣгурскомъ, а въ восемнадцать по Мнх. Левицкомъ, въ Подборцахъ, селѣ львовского повѣта, львовско-загородского деканата. Села Знесенье, Кривчицы, Лѣсеничи и Подборцы положены на востокъ отъ Львова по-за холмами, окружающими его. Якъ Лѣсеничи такъ и Подборцы получили свои названія, по всей вѣроятности, отъ лѣсовъ и боровъ, якіи во время ихъ осадъ существовали вдоль холмовъ, окружающихъ Львовъ изъ его восточной стороны.

Отецъ Григорія былъ приходскимъ священникомъ въ тѣхъ то Подборцахъ, нынѣшней первой желѣзно-дорожной станціи между Львовомъ и Подволочисками, гдѣ находится церковь св. о. Николая, и гдѣ разомъ съ дочернымъ приходомъ Каменополь живетъ сегодня 841 душъ гр. кат. обряда. Не знаю, какое населеніе могъ тотъ приходъ имѣти передъ столѣтіями. Если же принять во вниманіе, що въ тек. столѣтіи не было возлѣ Львова ніякихъ войнъ, которыи, по примѣру давнѣйшихъ вѣ-

ковъ, выгубляли бы окрестное, впрочемъ умножающееся населеніе, то въ дни рожденія Яхимовича Подборцы были весьма елабо заселены.

Рожденіе Григ. Яхимовича припадаетъ во время весьма важное и замѣчательное въ исторіи. Было то время великой французской революціи, третьяго роздѣла Польши, время ославленной, а никогда не обязывавшей польской конституціи 3 мая, наконецъ время яко-го-такого поднесенія подъ австрійскимъ правительствомъ русскому имени въ Галичинѣ, стараній о возстановленіе устраненной за польскихъ временъ русской митрополіи во Львовѣ и повольного паденія русскихъ преподаваній, введенныхъ императоромъ Іосифомъ II на львовскомъ университетѣ. Былъ то переходъ изъ XVIII въ XIX вѣкъ.

Въ Biographisches Lexicon (людей, которыи съ 1750 года занимали въ Австріи виднѣйшее становище) von Dr. Constantin Wurzbach, X Theil, стор. 11—12 Wien 1863 приходитъ извѣстіе о Θεодорѣ Яхимовичѣ, рожденномъ въ 1800 г. въ Белзѣ, селѣ золочевского округа. Тотъ Θεодоръ, говорится, былъ сыномъ русского священника, славнымъ живописцемъ-декораторомъ при вѣденской оперѣ и жилъ тамъ еще въ 1863 году. Если предположимъ, що отецъ Григорія былъ послѣ приходникомъ въ названномъ Белзѣ, тогда упомянутый живописецъ былъ бы его младшимъ братомъ. Но о якихъ-либо иныхъ братьяхъ или сестрахъ святителя мнѣ не извѣстно.

Малымъ учился Григорій, якъ слѣдуетъ предполагати, въ едва милоу отдаленномъ отъ

Подборецъ городъ Львовъ, а изъ того времени его первой молодости намъ ничего неизвѣстно. Покойный Николай Устіяновичъ написалъ прекрасную легенду изъ молодецеской жизни Григорія, напечатанную въ издаваемой М. О. Попелемъ „Недѣль“, послѣ же перепечатанную въ I ч. I тома Читанки для школъ середнихъ, составленной Юл. Романчукомъ, подъ заглавіемъ: „Толкущему отверзется“. Розсказано тамъ именно, яко молодому Григорію весьма а весьма тупо шла наука въ первой гимназіальной класѣ. Всякія, нимъ самымъ и учителями употребляемыя средства, ничего не помогали. Когда же онъ, майже въ отчаніи, въ науку вглубился и совсѣмъ отдался помощи Божой, сталъ послѣ уже хорошо учиться, былъ первымъ въ класѣ и—вышолъ на люди. Дѣти ту повѣсточку читають въ первой гимназіальной класѣ (знаю то изъ опыта) съ большимъ интересомъ, такъ якъ тотъ ученикъ, о которомъ въ ней говорится (якъ кончится повѣстка) кончилъ гимназію съ отличіемъ во Львовѣ, и тѣмъ Гринемъ былъ, якъ сказано, славно-извѣстный митрополитъ Григорій Яхимовичъ.

Въ то время, когда Яхимовичъ былъ тринадцатилѣтнимъ молодцемъ, владычій престолъ занималъ Антоній Ангеловичъ, титулованній епископомъ перемышльскимъ, самборскимъ, сяноцкимъ, белзскимъ, брестскимъ, холмскимъ и администраторомъ епархій львовской, галицкой и каменецкой. Онъ то въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ 1805 г. взывалъ вѣрныхъ сыновъ своихъ епархій, щобы въ виду сближающихся въ предѣлы нашего отече-

ства французскихъ войскъ не щадили жертвъ въ его защитѣ.

Для насъ нынѣ не одно, можетъ быти, неясно или едва пояснимо, а однако и тутъ слѣдуетъ перенестись въ тѣ тяжелыя и грозныя времена. Все-таки не безъ заходовъ нашихъ іерарховъ папскою булею отъ 15 апрѣля 1807 г. реституовано давно за польскихъ временъ уничтоженную русскую митрополию, и первымъ галицкимъ митрополитомъ сталъ тотъ же Антоній Ангеловичъ, о чемъ 1808 г. подъ 25 сентября извѣщены были вѣрныя гр. к. обряда. Его многозаслуженнымъ помощникомъ-офиціаломъ былъ не меньше славно-извѣстный бар. Михаилъ Гарасевичъ.

Извѣстно также, що и Галичину не щадили военныя смуты, що многое пережилъ и самъ городъ Львовъ, судя уже хотябы по скуднымъ запискамъ, якіи встрѣчаемъ въ брошурѣ ц. з. *Die Stadt Lemberg 1809, von einem Augenzeugen* — Львовъ 1862. При концѣ мая того года оставили австрійскіи войска городъ, а вступившая сюда горсть польскихъ войскъ розложилаь таборомъ на свято-юрской площади, и по поводу такой безкровной польской побѣды приказано вечеромъ 28 мая каждому жителю освѣтити свои окна 6 свѣчами подъ карою уплаты 15 дукатовъ. Польскому архіепископу, не солидаризовавшемуся съ грабежными порядками, дѣлано всякіи пакости и непріятности, пока 20 іюня опять не заняли городъ австрійскіи войска. Наконецъ прійшло къ тому, що отъ 28 іюня до 14 декабря якъ Львовъ такъ и часть Галичины оставали подъ военнымъ управленіемъ Россіи и граждан-

скимъ управленіемъ Австріи, пока наконецъ Австрія опять не приобрѣла принадлежащіи ей права.

Извѣстна, и многократно печатана въ передѣлѣ на всѣ лады печальная исторія съ нашимъ первымъ митрополитомъ Ангеловичемъ въ тѣ печальныя времена и съ его неотступнымъ офиціаломъ Мих. Гарасевичемъ, якъ они бѣжали подъ грозою поляковъ изъ митрополичей палаты, якъ скитались, якъ были схвачены въ Сенечолѣ въ Карпатахъ, якъ подъ эскортою приведены были на судъ въ Стрый, и якъ въ послѣднемъ моментѣ спасены надоспѣвшими австрійскими войсками. Тотъ Ангеловичъ долгое время укрывался въ Лѣсеничахъ, въ сосѣдствѣ Подборецъ, а молодому, тогда 17-лѣтнему Яхимовичу, предполагаемъ, уже слушателю философіи, не могло то все быть неизвѣстнымъ, равнодушнымъ и чужимъ. Напротивъ, со всею положительностію можно утверждать, що онъ то зналъ, тѣмъ живо интересовался, що о томъ могли ему и родители, если еще тогда жили, толковати: кто тотъ Ангеловичъ, кому онъ служить, кто его гонить? Розумѣется, що то все не могло остатись безъ глубокого впечатлѣнія на молодого, даровитого Григорія, не могло его не привести къ сознанію его русскости, не возбудити въ сердцѣ и душѣ такого идеала, якимъ онъ считалъ дѣла и подвиги Ангеловича, гонимого и побѣдившого, не возбудити въ немъ желанія и стремленія стати подобнымъ Ангеловичу. Все то наши предположенія, но предположенія весьма близкіи правды.

По присоединеніи Галичины къ Австріи открыта была, якъ извѣстно, духовная семинарія генеральная во Львовѣ и вторая центральная въ Вѣднѣ. Въ ту послѣднюю, т. е. вѣденскую семинарію высылали униатскіи епископы на студіи лишь отличныхъ кандидатовъ. Къ такимъ належалъ и нашъ Григорій Яхимовичъ; тожь по выбору митрополита Ангеловича былъ онъ отправленъ на студіи въ Вѣдень, гдѣ и кончилъ таковыи въ 1816 году, и тогдашнимъ перемышльскимъ епископомъ Михайломъ Левицкимъ рукоположенъ былъ 26 августа въ безженствѣ. Тотъ же епископъ Мих. Левицкій по смерти Ангеловича вступилъ въ 1818 году на престолъ митрополитій и въ томъ же самомъ 1818 году сталъ епископомъ перемышльскимъ Іоаннъ Снѣгурскій.

Изъ вѣденской жизни Яхимовича, яко воспитанника дух. семинаріи ничего намъ неизвѣстно; вѣрно лишь то одно, що тамъ же, можно сказать, русское сознаніе скорше возродилось между молодежью, чѣмъ во Львовѣ и Перемышлѣ. А одолжати то слѣдуетъ тогдашнимъ приходникамъ при церкви св. Варвары въ Вѣднѣ и сожитію русскихъ семинаристовъ съ товарищами другихъ народностей учившихся въ Вѣднѣ, и вообще тамъ же возродившейся и подносившейся идеи славянской. Тамъ возникъ вопросъ національный, тамъ голосно заговорили австрійскіи ученые славяне. А то не могло не отразиться на 24-лѣтнемъ Яхимовичѣ.

Но не можно сказать, щобы въ Галичинѣ въ то время все было тихо, спокойно и не

проявляло ніякого національного духа. Напротивъ, уже тогда возникъ, и то первый замѣчательнѣйшій вопросъ и споръ, не кончившійся еще и до нашихъ дней. Была то около 1818 года завязтая борьба, веденная между русскимъ и польскимъ епископами Левицкимъ и Анквичомъ, при чемъ расходилось о всеобщее введеніе польского преподавательного языка въ народныхъ школахъ Галичины, или о допущеніе и русскаго, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ будетъ большинство дѣтей грек. кат. обряда.

II.

Григорій Яхимовичъ учителемъ.

(1820—1840.)

Якъ мало намъ извѣстно изъ молодыхъ лѣтъ Яхимовича, такъ изъ временъ его учительской дѣятельности лишь только на незаумершой еще традиціи можно бы гдѣ-то розсказать. А есть то не короткое, а сверхъ двадцатилѣтнее время и само собою не меньше интересное отъ предшествовавшего двадцатилѣтія. Есть то розсвѣтокъ нашего возрожденія, а въ жизни Григорія Яхимовича самъ цвѣтъ юныхъ, крѣпкихъ, мужескихъ силъ.

Яхимовичъ, выдержавши докторатъ изъ богословія на вѣденскомъ университетѣ, посвятился учительскому званію и состоялъ долги лѣта профессоромъ богочестія и педа-

гогін на философическихъ курсахъ львовского университета. Тотъ университетъ, по мнѣнію однихъ, тогда только що реорганизованъ, по мнѣнію другихъ таки открытъ въ 1817 году императоромъ Францомъ І. Правда, що тотъ университетъ собственно императору Іосифу ІІ (1784 года) одолжалъ свое существованіе и открытіе, но когда послѣ присоединенія краковской области съ полнымъ университетомъ въ Краковѣ тяжело было правительству въ одной провинціи содержать два университеты, то соединено ихъ въ одинъ, взглядно же львовскій закрыто. Когда же, послѣ вѣденьского конгресса, Краковъ опять отпалъ отъ Австріи, то открыто университетъ во Львовѣ съ трема факультетами, въ которомъ видѣ существуетъ онъ до теперъ, хотя съ временемъ краковская область опять присоединена и до сихъ поръ принадлежитъ къ Австріи.

Преподаванія отбывались въ то время по латински. Яхимовичъ славился однакожь яко отличный нѣмецкій проповѣдникъ. И яко профессоръ прославился онъ своими основными знаніями въ области богословскихъ наукъ, а еще больше сталъ онъ извѣстнымъ яко чловѣкъ праведный, постоянный, твердо-русского характера. Переказано о немъ будущности, що яко профессоръ былъ весьма вымагающимъ: требовалъ весьма точного знанія своего предмета отъ кандидатовъ. Но кто зналъ свое, тотъ могъ числити и на искреннее благоволеніе своего профессора. Належалъ нашъ Григорій къ числу тѣхъ послѣднихъ профессоровъ, которые учили въ такъ зовимой „Спальной

академіи", гдѣ нынѣ красуется нашъ „Народный Домъ“ и гдѣ на дняхъ засіяетъ крестъ на среднемъ куполѣ второй городской церкви. Роста былъ Яхимовичъ невеликого, прищиповатый, сильно сбудованный съ всегдашнею усмѣшкою на лицѣ.

Во время его профессорской дѣятельности застѣдалъ, якъ сказано, на перемышльскомъ владычемъ престолѣ незабвенной памяти Іоаннъ Снѣгурскій, первый изъ перемышльскихъ епископовъ, почувствовавшій себе русскимъ человѣкомъ, который съ такими крылошанами якъ Могилянскій, Лавровскій и др. сдѣлалъ весьма много для своей епархіи. Во Львовѣ же былъ въ цѣлой имперіи уважаемый митрополитъ, второй съ ряду по Ангеловичѣ, Михаилъ Левицкій.

Уже между 1821 и 1823 годомъ стали появляться во львовскихъ изданіяхъ Pilger и Pielgrzym русско-народныя пѣсни съ нотами и поясненіями Дениса Зубрицкого. Въ 1822 году напечаталъ Іосифъ Лѣвицкій, прозванный послѣ Глойзнеромъ, о которомъ еще многократно прійдется намъ упоминати, а бывшій тогда еще слушателемъ богословія въ Вѣднѣ, три свои стихотворенія тамъ же. Самъ Яхимовичъ издалъ 1828 года во Львовѣ *Liczbowanie astronomiczne, tyczące się kalendarza*; въ 1830 г. издалъ Михаилъ Лучкай въ Пештѣ русскую грамматику по латини, а въ томъ же году появившаяся во Львовѣ ода Державина „Богъ“ росхвачена была русскими семинаристами. А еще въ 1826 году Шафарикъ въ своей исторіи славянскихъ литературъ выразился о насъ, що мы *terra incognita*. А вотъ

теперь уже, въ тридцатыхъ годахъ, стали у насъ появлятися сборники пѣсней, грамматики и прч., а молодежь наша почувствовала себе русскою. Тяжко, якъ изъ-подъ камня травѣ, приходило добыватися русской жизни на явѣ. Въ великой мѣрѣ польское движеніе въ 1830 году открыло очи русской молодежи въ Галичинѣ. Въ 1833 г. издалъ Вацлавъ изъ Олеска, позднѣйше губернаторъ Галичины, *Pieśni ludu galicyjskiego* (всѣхъ 1496, а русскихъ 574), въ чемъ ему помощна была русская учащаяся молодежь. Въ предисловіи того изданія сказалъ онъ, що развитіе русской народности не можетъ быти полякамъ на руку.

Но на руку то полякамъ или нѣтъ, уже все пропало. Пробудавшійся русскій духъ поступалъ напередъ. Въ 1834 издалъ Іос. Лозинскій свое *Russkoje Wesilje*, а Іосифъ Левицкій *Grammatik der kleinrussischen Sprache*; въ 1835 г. напечаталъ Іоаннъ Могильницкій: *Rozprawa o języku ruskim*. Въ томъ же 1835 году написалъ Яхимовичъ, тогда уже почетный крылошанинъ львовского капитула, по нѣмецки, а Ст. Съемашъ перевелъ и напечаталъ по русски „Печальное слово о упокоеніи души Франца І.“ Зубрицкій издалъ во Львовѣ въ 1836 г. свои историческіи изслѣдованія о русско-славянскихъ печатняхъ въ Галичинѣ, а въ 1837 свой начеркъ до русской исторіи. Не меньше и Ник. Устіяновичъ напечаталъ во Львовѣ свою „Слезу на гробѣ Михаила барона Гарасевича.“ Въ томъ 1836 г. появилось также и сочиненіе Яхимовича и. з.: *Abhandlungen über die Regeln, nach wel-*

chen die Slaven des griechischen Ritus den Ostertag berechnen. За ту научную розсправу надѣленъ былъ ея авторъ дипломомъ почетнаго доктора философіи львовскаго университета.

Современно росли и крѣпились многіи другіи русскіи силы, о которыхъ до теперъ не упоминалось. Были то именно русскіи семинаристы: Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій, Иванъ Вагилевичъ, Антоній Могильницкій и многіи другіи, издавшіи въ Будинѣ 1837 г. „Русалку Днѣстровую“. Якъ та брошура надѣлала въ свое время много шума, писанины, протоколовъ и непріятностей ея авторамъ, такъ безсомнѣнно и вызвала она большое движеніе среди русской молодежи, иріютившейся переважно въ стѣнахъ дух. семинаріи.

Вышеупомянутый переводъ Ст. Съемаша отъ 1835 г. и оригинальное русское стихотвореніе Устіяновича отъ 1836 г. были первыми того рода оканональными произведеніями на русскомъ языкѣ, начавшими мало-по-малу вытѣснати иноязычныи. Въ 1838 году дня 5 марта состоялось во Львовѣ освященіе Василія Поповича въ епископа мукачевскаго, и по тому случаю львовскими русскими богословами было составлено и издано русское стихотвореніе. Когда его гостямъ роздавано, радовался епископъ Снѣгурскій, а имѣлъ негодовати митрополитъ Левицкій, недоумѣвая, откуда бѣдныи, бо на средства державы содерживающіися питомцы, на то гроши имѣють. Но Яхимовичъ, состоявшій ректоромъ грек. кат. духовной семинаріи съ октябрю

1837 года несомнѣнно инициаторъ и издатель стихотворенія, принялъ цѣлую вину (!) на себе.

Въ 1839 г. издалъ Жегота Павли два томы русскихъ пѣсенъ, въ чемъ ему, какъ и прежде Залескому, были помощныи русскіи студенты, а въ 1840 году появилось сочиненіе Яхимовича: *Kazanie, miane 3 października 1840 r. w kościele lwowskim X. X. Jezuitów na uroczystości pamiątki kanonizacyi Św. Fr. de Hieronimo*. Изъ приведенныхъ на брошурѣ титуловъ автора узнаемъ, що онъ былъ тогда пралатомъ-кустосомъ митрополичей капитулы львовской, совѣтникомъ и референтомъ консисторіи, богословія и философіи докторомъ, ректоромъ семинаріи, выслуженнымъ профессоромъ религіи и педагогіи въ львовскомъ университетѣ, номинатомъ-суфраганомъ львовскаго митрополита и прч.

Какъ въ тѣ времена могли русскій языкъ и литература устно и письменно развиваться, то остается дѣйствительно загадкою, если примемъ во вниманіе, що самъ Куземскій упоминаетъ (*Ruthenische Sprach- und Schriftfrage* стор. 8), що онъ, не смотря на то, що всѣ студія въ краю кончили — *habe in keiner Schule dieses meinen Vaterlandes (wer würde diess glauben) den Unterricht in meiner Muttersprache genossen*. Откуда современная Русь уже тогда знала по русски читати и писати, если ю никто нигдѣ не училъ, то удивительно, и лишь приписать слѣдуетъ пробудовшомуся ея національному сознанію. И счастье именно въ томъ, що Русь существуетъ тысячъ лѣтъ, що давно уже передъ тѣмъ имѣла свой языкъ и

литературу такъ высоко образованныи, що не погибла подъ розличного рода политичными и языковыми лихолѣтіями: польскимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ и теперь опять польскимъ.

Тогдашнюю русскую молодежь учили по латини, частью и по нѣмецки, а впрочемъ даже въ проповѣдяхъ церковныхъ выручалось русское духовенство польскимъ языкомъ, такъ що даже въ церковныхъ книгахъ прописывались польскіи буквы надъ кириловскимъ текстомъ. Самъ Снѣгурскій, такіи хорошіи русскій человекъ, составилъ свое завѣщаніе на польскомъ языкѣ. Но все таки Русь уже отъ начала австрійскаго правленія о свое добивалась, выступала противъ польскаго, а въ защитѣ русскаго языка, якъ то видимъ изъ замѣчательнаго языковаго спора и высоч. рѣшенія отъ 18 апрѣля 1818 года. Тотъ же самъ Снѣгурскій именно въ своемъ завѣщаніи опредѣлилъ плату для професора, который преподавалъ бы пастырское богословіе на русскомъ языкѣ.

Уже отъ самого начала австрійскаго правленія у насъ обращалось вниманіе на народъ и его развитіе — просвѣщеніе подъ руководствомъ духовенства относительныхъ обрядовъ. Въ томъ взглядѣ уже въ 1782 году издали Kreisamt-ы инструкцію, а въ 1790 году императоръ Леопольдъ II высоч. патентъ. Дня 17 ноября 1784 г. бытъ введенъ русскій языкъ въ новооткрытомъ львовскомъ университетѣ, но постепенно уступилъ онъ изъ философіи, а съ 1810 г. окончательно и изъ богословія, а мѣсто его занялъ польскій языкъ.

Однако русскій народъ не могъ развиваться подъ польщиною и показалаcь необходимость реформы въ томъ взглядѣ. Состоялись въ 1818 году губерніальныя совѣщанія, за русскимъ языкомъ твердо постоялъ митрополитъ Левицкій, а вслѣдствіе того явился *Studien-Hofcommissions-Decret* отъ 25 апрѣля, губерніею интентованный 22 мая 1818 г. н-ръ 24.852, которымъ было опредѣлено, что припускается русскій языкъ въ народныя школы Галичины и Буковины. Понятно, что такому мѣропріятію сопротивлялся всѣми силами латинскій архиепископъ Анквичъ, требуя, чтобы все осталось по прежнему. В. Залескій, какъ уже сказано, высказался выразительно въ своемъ сборникѣ пѣсень, что не можно себѣ желати, чтобы Русь имѣла свою собственную литературу. Такъ же и наслѣдникъ Анквича, архиепископъ Баранецкій противился даже малѣйшимъ уступкамъ въ пользу русскаго языка. И до 1848 года мишло точно 30 лѣтъ самой жестокой борьбы о школы, о частичку правъ русскаго языка въ русскомъ краѣ.

Патентъ отъ 1818 года не былъ переведенъ въ пользу русскаго языка, и въ виду того и наука не могла успѣвати въ школахъ, въ которыхъ преобладала русская народность. По той причинѣ дня 24 апрѣля 1834 г. н-ръ 20497 губернія призываетъ и русскую львовскую консисторію къ помощи, въ цѣли поднесенія школьной науки. Консисторія дня 6 сентября н-ръ 203 заявила въ своемъ докладѣ, что при другихъ факторахъ и польскія доминіи вредятъ дѣлу, яко неприклонныи русскому языку и обряду.

Въ то же памятное время состоялъ нашъ Григорій учителемъ, руководителемъ и настоятелемъ молодежи, и то молодежи старшей. И если изъ-подъ его руководства выходили такіи люди, якіи въ то время замѣчаются, если такъ дѣлала тогдашняя университетская молодежь, то невозможно не прійти къ вѣрному заключенію, що и онъ же самъ, яко учитель, чувствовалъ то само, былъ такъ же одушевленъ. А среди тогдашнихъ учителей было такъ мало земляковъ-галичанъ вообще, а среди нихъ первое мѣсто занималъ нашъ русскій учитель, Яхимовичъ.

За времяъ его учительства въ первый разъ начинаютъ русскіи богословы по русски въ церквахъ проповѣдати, на русскомъ языкѣ составляются окаяональныи стихотворенія, основуются товарищескіи кружки въ сознаніи и съ цѣлю: трудитись для русскаго дѣла и русскаго народа.

Цѣлое то русское движеніе идетъ паралельно съ такимъ же, и еще большимъ движеніемъ молодежи польской, одушевленной великими реставраційными идеями; въ слѣдъ затѣмъ предпринимаетъ правительство во Львовѣ множество ревизій и арестованій. Все то симптомы, предшествующіи взрывамъ вулкана; все то душная атмосфера предъ надтягающею, полною молній хмарою.

Уже въ 1835 году были организованы отдѣльныи польскіи Общества, съ филиами по городамъ, съ особыми комитетами для польскихъ и русскихъ семинаристовъ. Въ русской семинаріи обнялъ организацію префектъ о. Николай Гордынскій. Въ Перемышлѣ пред-

принимались дѣйствія въ революціонномъ дусѣ и среди арміи. Было то сильное *Stowarzyszenie ludu polskiego*, охватившее всѣ сословія польскаго и русскаго населенія.

Изъ среди русскаго духовенства належали до такихъ тайныхъ Обществъ, въ числѣ другихъ оо.: Михаилъ Гадзинскій, Николай Гордынскій, Десидерій Гречанскій, Теодоръ Кульчицкій, Константиновичъ, Ромуальдъ Крыжановскій, Венедиктъ Кущикевичъ (послѣ францисканецъ), Маріанъ Лапчинскій (послѣ бернардинъ), Сильвестръ Мѣйскій, Михаилъ Минчакевичъ, Димитрій и Климентій Мохнацкіи (тогда еще семинаристы), Іоаннъ Охримовичъ, Михаилъ Покинскій и другіи, изъ среди поляковъ же виднѣйшіи: Фр. Смолька, Сев. Гощинскій, Гефернъ, Теофилъ Висневскій, Альбинъ Дунаевскій, Флор. Земялковскій и множество другихъ. Все то дѣялось въ лѣтахъ между 1835 - 1840.

Въ доказательство того, какъ уже тогда чиновники польской народности поддерживали польское движеніе, розсказуютъ (*Smolka* стор. 59), що состоявшій губерніальнымъ секретаремъ Вацлавъ Залескій, въ бюрѣ котораго сосредоточались всѣ полицейскіи агенды и который зналъ Гощинскаго, встрѣтилъ его разъ во Львовѣ, но будто не позналъ. Щобы же его спасти передъ слѣдящею за нимъ полиціею, издалъ приказъ изъ президіи, дабы опаснаго эмисара Гощинскаго слѣдити въ сандецкомъ окрузѣ. Такимъ образомъ онъ самъ нарочно обманулъ зоркость львовской полиціи, щобы Гощинскій тѣмъ безопаснѣйше могъ во Львовѣ дѣйствовать, що послѣ Залескому самому,

въ конкуренціи съ Голуховскимъ, можетъ быти, повредило.

Въ 1837 году начались уже арестованія среди поляковъ и полякофиловъ. Въ Самборѣ былъ арестованъ Михайлъ Посель, по мнѣнію котораго — якъ позднѣйше писали — русинъ и мазуръ творять поляка; дальше былъ арестованъ Касперъ Ценглевичъ, Юліанъ Горошкевичъ, а полиція открыла заговоръ и въ духовной семинаріи въ Вѣднѣ, гдѣ были поляки и русскіи. Также и во Львовѣ не мало перепугались заговорщики. Въ 1840 году были открыты заговорщики среди войскъ въ Перемышлѣ. Тутъ руководили: цукерникъ Григорій Товарицкій и Іосифъ Прагловскій, приватный учитель въ домѣ старосты Чеча. Вслѣдствіе того было введено тамъ осадное положеніе, а баронъ Лангенау былъ устраненъ изъ посады командующаго генерала, которое обстоятельство вызвало въ цѣломъ краѣ громадное впечатлѣніе.

Годъ 1840 можно назвати годомъ арестованій. Въ число арестованныхъ попалъ Гелеръ, шурина Іоахима Хоминского, считавшогося уже тогда противникомъ поляковъ; дальше Альбинъ Дунаевскій, теперѣшній кардиналъ — сынъ священника окончившій богословіе Венедиктъ Кущикевичъ, Климентій Мохнацкій, а въ мѣсяцъ августъ 1841 г. Фр. Смолька и Флор. Земялковскій. Смольку давно подозрѣвали власти въ нелояльных намѣреніяхъ, и уже 5 марта 1835 г. переводилъ у него ревизію судебный чиновникъ Антоній Домбчанскій при полицейской асистенціи. Тогда-то роспоролъ Смолька подшевку

своего халата и тамъ спряталъ компрометирующіи письма, кусникомъ же одного, которое долго душилъ въ кулаку, запалилъ трубку (люльку) самому же Домбчанскому, утружденному долгою ревизією (Smolka стор. 81). Теперь же точно въ августъ 1840 г. сталъ онъ адвокатомъ, 18 августа женился, а 29 августа 1841 г. былъ арестованъ. И было тогда сверхъ 140 по половинѣ цивильныхъ и военныхъ арестантовъ, а отъ 1833 до 1842 г. выше 400.

Въ такое-то время судилось Яхимовичу быти учителемъ молодежи и настоятелемъ русскихъ семинаристовъ. Было то самое трудное время и полное отвѣтственности становище. Впрочемъ и сама позиція учителя-наставника не была легка. Учительское бо званіе есть самое непоплатное, самое, къ сожалѣнію, скромное, въ социальномъ отношеніи, тѣмъ больше у насъ. Учитель у насъ, и то отъ найнизшого до найвысшого, въ очахъ простолюдина далеко меньшая фигура, чѣмъ жандармъ или податковый экзекуторъ. А въ очахъ интеллигенціи що значать хотя бы и якіи, рѣшенныи учителемъ научныи проблемы, въ сровнаніи съ выводами молодого адвоката или репликою прокураторского субститута или публичною кандидатско-посольскою рѣчью магомѣщанина? Есть то самое неблагодарное и тяжкое поприще, а кто себе учительству посвятилъ, тотъ жертвуется для человѣчества. Найвысшую награду онъ имѣетъ въ сердцѣ и совѣсти своей, а признательность и благодарность найдетъ у своихъ воспитанниковъ. Частина его личности безсознательно перехо-

дитъ на нихъ. Не безъ основанія говорится: съ той а той школы вышли такіи а такіи ученики, за временъ тѣхъ а тѣхъ инспекторовъ такіи а такіи были порядки въ школахъ, такъ а такъ было за ректорства Яхимовича въ семинаріи. Все то имѣетъ свое оправданіе. Учительско-ректорская дѣятельность Григорія оставила глубокии слѣды между молодежью того времени, и для того позднѣйше воспитанники тѣ такъ крѣпко держались, занявши сами уже становища, и поддерживали Яхимовича на новомъ виднѣйшемъ становищѣ — яко епископа а послѣ и митрополита.

III.

Яхимовичъ епископъ-суфраганъ.

(1841—1847.)

Дня 9 (21) ноября 1841 г. былъ посвященъ Яхимовичъ на епископа помпеополитанского (*in partibus infidelium*) и придѣленъ въ помощники (суфраганы) львовскому митрополиту, тогда 67-лѣтнему Михаилу Левицкому, на которомъ становищѣ онъ громадно дѣламъ церкви прислужился, или якъ Вурцбахъ говорить: *ernstlich förderte*. По тому поводу составилъ Литвиновичъ *Jubelruf* по нѣмецки; такой же былъ составленъ и по латини, а Левицкій-Глойзнеръ написалъ также стихотвореніе по русски. Архіерей Левицкій сообщилъ

посланиємъ отъ 1 декабря подвѣдомственному духовенству о поставленіи Яхимовича своимъ епископомъ-помощникомъ во Львовѣ. Въ 1842 году былъ изданъ литографованный портретъ Яхимовича яко владыки. И были тогда три славныи на Руси святители: Мих. Левицкій, мужъ въ цѣлой державѣ высокопочитанный, Іоаннъ Снѣгурскій, весьма популярный и любимый, и наймолодшій въкомъ Яхимовичъ.

Въ январѣ 1842 года кончились политическіи арестованія. Для русскаго священника въ Перемышльскомъ, Іоанна Таласевича, приказъ арестованія уже изъ экспедита былъ взятъ обратно. Началось долгое, запутанное судебное слѣдство, которое продолжалось 4 лѣта. Дня 21 января 1845 г. былъ изданъ смертный приговоръ на 13 виновниковъ. Къ нимъ принадлежали: Смолька, Дунаевскій, Гордынский и др. Но послѣ былъ редукованъ тотъ приговоръ лишь на 8 и перемѣненъ на 8- до 15-лѣтнее тюремное заключеніе. А былъ тогда губернаторомъ въ Галичинѣ архикнязь Фердинандъ австро-вѣстенскій.

Любопытную замѣтку встрѣчаемъ въ автобіографіи А. Заклинскаго (старшаго), изданной еще за его жизни въ 1890 г. во Львовѣ. Архіепархією управлялъ, якъ извѣстно, Левицкій, проживавшій часто въ своихъ владычныхъ имѣніяхъ, такъ що собственно всѣмъ руководилъ во Львовѣ Яхимовичъ. Яхимовичъ совѣтовалъ Заклинскому (1845) посвятитись мірскимъ студіямъ, бо на пр. яко юристъ могъ бы больше прислужитись Руси; но принявши его въ семинарію, увѣщевалъ перенятись высокимъ званіемъ священника. Ободрен-

ный отеческими словами Григорія, учился и велся Заклинскій въ семинаріи, якъ слѣдуетъ, усердно и примѣрно.

И тогда уже бывали нареканія и жалобы на плохое прокормленіе въ семинаріи. Такъ выступили разъ питомцы съ жалобою, когда митрополитъ находился въ Уневѣ. Точно на другій день въ 12 часовъ явился Яхимовичъ въ семинаріи яко заступникъ митрополита съ однимъ совѣтникомъ намѣстничества на изслѣдованіе. Были составлены протоколы, возвратившійся митрополитъ взялъ ректоратъ въ защиту и выслалъ Яхимовича въ семинарію, чтобы семинаристовъ строго упрекнулъ за тѣ волненія, и погрозилъ однимъ прогнаніемъ, другимъ отданіемъ въ рекруты. Яхимовичъ пріѣхалъ въ семинарію и все сдѣлалъ по приказу митрополита. Но стероризованныи питомцы не уступали и рѣшились дальше ремонстровать, были бо въ полномъ правѣ, однако намѣстничество не хотѣло ректоратъ компромитовати. При умномъ веденіи цѣлого изслѣдованія Яхимовичемъ былъ прекращенъ наконецъ цѣлый тотъ споръ и на какое-то время питомцы имѣли лучший харчъ.

Насталъ памятный 1846 годъ. Имѣло вспыхнути польское возстаніе. Во главѣ движенія стоялъ Эдвардъ Дембовскій съ Теофілемъ Висневскимъ; дѣйствовали они въ западной Галичинѣ. Смольцъ предлагалось начальство во Львовѣ, но онъ же не увлекался выфантазованными силами возстанцевъ. Дембовскій увѣрялъ его, що самъ Львовъ можетъ дати лишъ 2000 человекъ, но имъ въ помощь прибудетъ 20.000 доокрестныхъ селянъ. И,

можетъ быть, що была бы пришла такая сила селянъ во Львовъ, но навѣрно не на помощь, лишь въ цѣли придавленія возстанія. Пронесшества 1846 г. на Мазурщинѣ поминаемъ. Волненія и тутъ лишь на время были придавлены, но не убиты. Притушенная искра тлѣла дальше. Архикнязь Фердинандъ былъ устраненъ изъ становища губернатора. Вице-президентомъ былъ тогда Леопольдъ Лазанскій, которому вмѣняется въ заслугу основаніе парка въ 1841 г. на Замковой горѣ во Львовѣ. Вслѣдъ затѣмъ былъ присланъ въ Галичину Вацлавъ Залескій яко правительственный комисаръ, который будто имѣлъ дѣйствія губернатора контроловати, но и его вскорѣ заподозрѣли и денунціовали, затѣмъ устранили, а пришолъ яко прав. комисаръ гр. Рудольфъ Стадіонъ. По немъ сталъ дѣйствительнымъ губернаторомъ края гр. Францъ Стадіонъ, а бар. Филиппъ Краусъ губ. президентомъ. Въ то горячковое время все смѣнялось скоро, якъ въ калейдоскопѣ, бо время то было предтечею еще важнѣйшихъ политическихъ и національныхъ катастрофъ.

Между 1839—1858 годомъ состоялъ членомъ львовской римо-кат. капитулы, въ числѣ другихъ, Димитрій Гойданъ, д-ръ богословія и въ 1839 году директоръ богословскаго факультета на львовскомъ университетѣ. Съ нимъ жилъ Яхимовичъ въ тѣсной дружбѣ еще съ юныхъ лѣтъ, и оба они, еще яко философы, рады были учиться богословія въ Вѣднѣ. Когда Яхимовичъ былъ принятъ, не внесъ Гойданъ прошенія своевременно, но понеже въ его метрицѣ не былъ отмѣченъ

обрядъ, то удался онъ съ прошеніемъ въ лат. консисторію, гдѣ его приняли и выслали въ Вѣдень. Такимъ образомъ опять разомъ нашлись друзья, разомъ учились, выдержали ригороза, разошлись послѣ, но лишь на столько, что одинъ былъ грек. кат., а другій рим. кат. катихитомъ, профессоромъ и крылошаниномъ; якъ долго однако жили во Львовѣ, всегда у себе бывали, и тотъ, случайный почти rozdѣлъ въ обрядѣ, не мѣшалъ ихъ пожизненной дружбѣ.

У того то д-ра Димитрія Гойдана воспитывался яко у своего дяди, Антоній Гойданъ, нынѣшній приходскій священникъ въ Зборѣ подъ Калушемъ; тамъ и позналъ его Яхимовичъ, заходившій до его дяди еще яко ректоръ русской духовной семинаріи, а послѣ и яко епископъ. Опасаясь вѣроятно, чтобы и Антоній туда не попалъ, куда пошолъ Димитрій, именно въ то время, когда русская молодежь ни до церкви не ходила, ни по русски не училась, лишь пѣла обыкновенно въ костелѣ нѣмецкіи пѣсни — былъ переведенъ Антоній на квартиру къ крылошанину Якову Геровскому, извѣстному опекуну бѣдной молодежи, обитавшему во Львовѣ возлѣ церкви св. О. Николая. Тамъ Антоній Гойданъ научился русскихъ молитвъ, пѣнія, устава церковного (1845—1847), а съ нимъ разомъ воспитывались у того филантропа: Кулачковскій, Штогринъ, Торба, Завадовскій, пок. Ив. Целехъ и др.

Въ 1848 году когда Димитрію Гойдану, обитавшему при Галицкой улицѣ возлѣ часовни Боимовъ, при восклицахъ: *Bij szwarc-*

gelbera! были вытолчены всѣ окна по поводу, що, не солидаризуясь съ революційными манифестаціями, не илюминувалъ оконъ, то на слѣдующій день явился у него Яхимовичъ съ кондоленцією и ободреніемъ; но не сдѣлали ему того его капитульны товарищи. И умѣлъ Яхимовичъ до той степени поддержати въ Дмитріи Гойданѣ русскій духъ и убѣжденіе, що тотъ же часто-густо черезъ племянника своего Антонія подъ прибранными именами складалъ значительнѣйшіи жертвы на Ставропігію, „Народный Домъ“ и другіи русско-народныи цѣли. Когда затѣмъ Яхимовичъ возвращался изъ похороновъ кардинала Левицкаго изъ Унева, помолился еще при мощахъ своего друга Дмитрія, точно 18 января 1858 г. скончавшагося, а посредствомъ епископа Литвиновича передалъ Антонію 50 зр. будто возвращеніе долга, занятого у его дяди, съ тѣмъ, чтобы онъ лишь держался своего обряда и народности, въ чемъ покойный святитель и не ошибнулся.

Б. А. Дѣдицкій („Качковскій“, Львовъ 1875) пишетъ, що Михайлъ Качковскій, авансовавши 1847 года на совѣтника и представляясь во Львовѣ своему начальству, считалъ своею первою должностію посѣтити Яхимовича, который радушно привѣтствовалъ его, яко давняго знакомого, бывшаго своего ученика и благословилъ на дальшій путь жизни при выѣздѣ въ Висничъ между мазуровъ. Добавлю, що была то первая встрѣча тѣхъ двухъ русскихъ мужей на почетныхъ становищахъ; можетъ быть, що тогда они рѣшили ити одною дорогою и жертвоватись русскому

народу сердцемъ и душою, такъ якъ позднѣйше все тѣ мужи и ихъ доблестныя имена встрѣчаются между первыми поборниками, руководителями, меценатами, благодѣтелями всѣхъ благихъ начинаній на галицкой Руси.

Въ Перемышльскомъ уже давно русскій духъ проявился, яко въ епархіи сосѣдующей съ западною Галичиною, гдѣ именно вспыхнули мазурскія волненія. Въ самомъ Перемышлѣ была открыта типографія и основана библіотека; Левицкій-Глойзнеръ будилъ духъ своими печатными публикаціями, во главѣ же духовной интеллигенціи стоялъ Іоаннъ Снѣгурскій, сознававшій себе русскимъ душою и тѣломъ. Послѣднею его русскою манифестаціею было освященіе каменной (онъ всегда подносилъ, що гдѣ прихожане построятъ каменную церковь, туда онъ самъ пріѣдетъ таковую освятити) церкви въ Хировѣ 8 (20) сентября 1847 г., въ праздникъ Рождества пресв. Богородицы. Тамъ, при томъ торжественномъ актѣ, произнесъ пок. Ант. Добрянскій по русски проповѣдь, и застольный розговоръ ишолъ по-русски. Но якъ лишь возвратился владыка въ Перемышль, сейчасъ заболѣлъ и 12 (24) сентября почти скоропостижно скончался. Въ тек. году, яко въ 45 годовщину смерти сего святителя, намѣряютъ изъ закрытого кладбища перенести на новое его тлѣныя останки, благодарныя сыны галицкой Руси. На мѣсто Снѣгурского былъ именованъ перемышльскимъ епископомъ суфраганъ митрополита Левицкого, Григ. Яхимовичъ.

Время то отъ 1841—1848 г. было самое грозное въ Галичинѣ. Броженіе умовъ росло

и созрѣвало. Въ Вѣднѣ печатаются „Приповѣдки“ Илькевича, „Вѣнки“ Головацкихъ, сегодня считающіеся мелочью, но тогда составлявшіи весьма важное явленіе. Кончившіи передъ 1840 годомъ студіи, именно богословіе, занимають посады на провинціи. Среди русскихъ семинаристовъ были тогда выдающіеся таланты въ Вѣднѣ и Львовѣ; была уже русская духовная и мірская интеллигенція. И среди мѣщанства были еще зажиточныи русскіи дома, ожидавшіи лишь искры, которая бы и ихъ сердца загрѣла. Они все еще держать съ русскою церковью, хотя по польски разговаривали всегда и всюду, и даже въ той церкви такъ молились. Ихъ спасли календарь и церковь. А между-тѣмъ во Львовѣ происходили ужасныи сцены: суды, аресты, слѣдства. Многимъ открываются очи на вопросъ: кто? за що? по що? То все велить призадуматися, засановитися, рефлектоватися: стоитъ ли жертвоватися за польскую идею, якою она представляется, или за фантомы, ближе неизвѣстныи, а молодыми умами хотя и на псевдодемократичныхъ основаніяхъ построенныи. Довольно, що все кипить, варится якъ бы въ котлѣ. Многіи изъ русской пылкой молодежи увлекаются и спѣшатъ въ польскій таборъ, гдѣ стаются польскими патриотами и долго послѣ славятся мучениками, иныи же поворачивають въ другую сторону, познають ничтожность той идеи, творять собѣ другій идеаль, сознають себе сынами черныхъ робочихъ, вѣками упослѣдженныхъ отцевъ своихъ, стаются твердыми русскими людьми.

IV.

Григорій Яхимовичъ яко политнкъ.

(1848 и 1849 гг.)

О томъ памятномъ 1848 году столько уже написано у насъ, що мы дѣйствительно не въ состояніи ничего нового добавити. Есть то годъ важный для многихъ и во многомъ вообще, для насъ же, австрійской Руси въ особенности. Ишли бо другіи скорымъ шагомъ напередъ, и мы не могли остаться по заду. Если бы мы были даже и не хотѣли, то былъ бы насъ повлекъ за собою токъ, который все съ собою порывалъ въ водоворотъ съ девизомъ : впередъ.

До насъ надтянула та хмара изъ запада и разразилась во первыхъ въ Вѣднѣ великимъ возстаніемъ. Въ австрійско-италійскихъ провинціяхъ началось возстаніе уже въ январѣ 1848 г., и тамъ побѣдоносно сражался гр. Радецкій. Въ Вѣднѣ вспыхнула революція изъ 13 на 14 марта. Мадьяры и поляки поднесли головы, затребовали конституціи. Въ Галичинѣ нашли революційныи попытки подготованное поприще среди поляковъ. Основались сейчасъ новыи товарищества. На вѣсть изъ Вѣдня о революціи, рѣшили поляки во Львовѣ изготавити петицію къ императору о потребахъ и требованіяхъ края. Во Львовѣ говорилось уже 18 марта о томъ, що императоръ Фердинандъ обѣщалъ надати конституцію ; того самого дня собрались львовскіи поляки подъ домомъ Томаша Кульчицкого, гдѣ помѣщалась редакція польской газеты, и тамъ

*

Янъ Добжанскій прочиталъ изъ балкона текстъ петиціи. Состояла она изъ 13 точекъ, первая изъ которыхъ гласила: *Gwarantowanie polskiej narodowości, polskiego języka* и прч. Основался сейчасъ и комитетъ, состоявшій изъ всякихъ сословій, конфесій и народностей.

Въ первыи минуты того движенія, що правда, и многіи русскіи богословы во Львовѣ надѣли голубыи конфедератки, однако когда узнали, що въ упомянутой петиціи лишь о польскихъ дѣлахъ рѣчь идетъ, очнулись, якъ бы ихъ облилъ холодною водою. Губернаторъ Стадіонъ розвязалъ уже 21 марта по трехъ дняхъ существованія такой комитетъ, черезъ мѣсяць же основалась *Rada Narodowa*.

Щобы vybrати делегатовъ въ Вѣдень, которыи имѣли въ соединеніи съ делегатами другихъ провинцій посовѣтоватись на счетъ допущенія къ праву репрезентаціи мѣщанскаго и селянскаго сословій, пригласилъ гр. Стадіонъ на день 5 апрѣля присутствовавшихъ во Львовѣ членовъ галицкихъ „становъ.“ Между тѣмъ уже прежде выѣхала депутація въ Вѣдень съ петиціею отъ 18 марта и принята была императоромъ въ аудіенціи дня 6 апрѣля. Депутація состояла изъ 60-ти членовъ, а именно изъ 3 князей, 5 графовъ, а для декораціи и изъ 5 селянъ. Петицію подписали въ числѣ другихъ: крыл. Онуфрій Крыницкій, Кириллъ Вѣнковскій, чиновникъ фискальный, Самуиль Лелигдовичъ, также чиновникъ русской народности. Изъ депутатовъ были приняты лишь 12 съ кн. Любо-

мірскимъ во главѣ. Императоръ обѣщаль депутаціи заняться долею Галичины.

Губернаторъ Стадіонъ дня 11 апрѣля созываль собраніе „станового сойма“ на 26 апрѣля. Но между тѣмъ уже 13 апрѣля основалась Rada Narodowa на то, щобы заступити мѣсто такого сойма. Въ составъ той рады были допущены всего 2 мѣщане, а никто изъ представителей селянского сословія. Належали къ ней изъ шляхты: Антимъ Никоровичъ (не русскій ли?), изъ духовенства: Онуфрій Крыницькій и василіанинъ Устіановичъ. Та рада пробовала представити Галичину яко одноплеменную цѣлость.

Но уже и съ русской стороны было („Библиографія“ Ив. Е. Левицкого подъ 1848 г. н-ръ 477) внесено: „Прошеніе руского народа въ Галиціи 19 Вережня“ на руки гр. Стадіона къ императору, содержащее въ собѣ 7 точокъ, именно щобы: 1) въ народныхъ и 2) въ середнихъ школахъ преподавался русскій языкъ, 3) щобы законы публиковались и по русски, 4) щобы чиновники умѣли по русски, 5) щобы духовенство такъ обучалось, дабы въ народномъ языкѣ могло удѣляти науки своимъ прихожанамъ, 6) щобы грек. кат. духовенство было сровнано съ латинскимъ, 7) щобы русскимъ людямъ доступны были всѣ публичныя уряды. На ту петицію послѣдовалъ отвѣтъ, изданный отдѣльною публикаціею, отмѣченною въ упомянутой „Библиографіи“ подъ н-ромъ 1336 sub voce „Григорій Яхимовичъ“. Въ той публикаціи помѣщены: письмо губернатора гр. Стадіона отъ 18 мая къ епископу Яхимовичу и письмо министра Пилерсдорфа

отъ 9 мая, адресованное „До руского Собраня во Львовъ“. Стадіонъ пишетъ между прочимъ Яхимовичу: „Есть для мене особеннымъ удовольствіемъ, объявити Вашему Преосвященству при той способности мое высокое почитаніе, которое для руского народа отъзначающагося вѣрною привязанностію къ царю и правительству Австрійскому, праводушнымъ умысломъ и своимъ спокойнымъ законнымъ поведеніемъ, а въ особенности для гр. кат. Духовенства чувствую, которое свое Апостольское посланіе право розумѣюще, повѣреннымъ собѣ громадамъ словомъ и дѣломъ образъ вѣрной преданности подаеть, и которому для того прежде всего часа благодареніе за утриманый до сего въ громадахъ спокой и порядокъ принадлежитъ мимо всюды инде панующаго забуреня...“ На петицію же отвѣчаетъ министръ Пилерсдорфъ, що высочайше рѣшено: 1) въ народныхъ школахъ учить по русски; 2) на университетѣ прежде всего введется катедра руссого языка, щобы подготовити учителей для середнихъ школъ; 3) и 4) уже рѣшеніемъ отъ 25 апрѣля удовлетворено; 5) поручается, щобы духовенство въ томъ направленіи образовалось; 6) сровнивается законно духовенство всѣхъ трехъ кат. обрядовъ; 7) также законно признается. Пилерсдорфъ добавляетъ: „Я выполняю милый менѣ обовязокъ сгромадженому во Львовѣ Собранію рускому найвижше задоволенье зъ вѣрного и соединного духа и захованя ся руского народу въ Галичинѣ, яко и за доводы вдячного до Ряду о добро его троскливого, и ласкаве принятіе петиціи тому Собраню обя-

вити и его о отцевской старанности нашего одъ всѣхъ возлюбленного Монарха запевнители.“ — Яхимовичъ, репродукуя оба письма, добавляетъ со своей стороны, чтобы духовенство обнародовало то и своихъ прихожанъ словомъ и собственнымъ примѣромъ до вѣрности императору наставило.

Но что было самымъ важнѣйшимъ фактомъ для Руси въ тѣ дни, то именно послѣдовавшее императорскимъ декретомъ отъ 12 апрѣля назначеніе Григорія Яхимовича перемышльскимъ епископомъ. Въ послѣднихъ дняхъ мѣс. апрѣля самъ вице-президентъ губерніи, гр. Голуховскій, доставилъ собственноручно декретъ нашему владыцѣ, що означало великое уваженіе для номината.

Дня 26 апрѣля розвязалъ гр. Стадіонъ Rad-у Narodow-ую, которая намѣряла парализовати дѣятельность „станового сойма“, и 3 мая открылъ отдѣльный прибочный совѣтъ (Beirath). Но между тѣмъ и русскіи львовяне, видя начинанія поляковъ, совершенно запознающихъ русскій народъ, рѣшили и себѣ соединиться также въ одно политическое Общество. Тою идеею перенялись именно духовныи настоятели-патріоты, якъ Григорій Яхимовичъ, Мих. Куземскій и Мих. Малиновскій, и уже 2 мая основалась подъ предсѣдательствомъ Григорія Яхимовича и мѣстопредсѣдательствомъ Куземского въ консисторской салѣ „Головна Руска Рада“. О томъ была извѣщена Русь „Одозвою до руского народа“, отъ 10 мая, гдѣ приведены точки програмы того Общества, якъ: 1) беречи свою вѣру и обрядъ; 2) розвивати свою на-

родность; 3) добиватись русскому народу принадлежныхъ правъ. Подписали тотъ отзывъ: Яхимовичъ предсѣдатель, Куземскій и Борисикевичъ мѣстопредсѣдатели, а кромѣ того 40 духовныхъ и 36 мірскихъ лицъ. „Съ того времени на руки президіи „Головной Руской Рады“ доставлялись всѣ важнѣйшіи императорскіи грамоты, якъ именно грамота наданной конституціи отъ 25 апрѣля, высоч. отвѣтъ на вышеупомянутую петицію отъ 19 апрѣля, изданный 9 мая, а признающій всѣ требованія, заключающіися въ 7-ми точкахъ, оправданными — и все то подъ адресомъ Григорія Яхимовича, яко предсѣдателя той же „Рады“.

За головою открылись вскорѣ еще 34 такіи же филиальныи „Рады“ на провинціи.

До Beirath-a належали между прочими: Яхимовичъ, Куземскій, Малиновскій и д-ръ Климентій Рачинскій, адвокатъ русской народности. Поляки утверждаютъ, що изъ того Beirath-a вышла инициатива — и то будто отъ Голуховского, чему онъ имѣлъ одолжати цѣлую свою карьеру (Smolka 161) — основати противъ польской Rad-ы русскую „Раду“.

Будь якъ будь, но уже само Провидѣніе опсковалось галицкою Русью на столько, що въ той многоважной минутѣ былъ именованъ перемышльскимъ владыкою Григ.Яхимовичъ, и именно въ пору, когда галицко-русскій народъ изъ глубокого сна пробудился къ новой жизни. Яхимовичъ явился для своего народа добрымъ отцемъ и умнымъ предводителемъ, и то въ моментъ, когда такіи челоуѣкъ наибольше былъ

необходимый. При немъ основанная „Головная Русская Рада“ имѣла задачей: приобрести давно потерянные старыя, а также новыя права для русскаго народа. При томъ открытіи произнесъ Яхимовичъ замѣчательную рѣчь, гдѣ прировналъ галицкую Русь съ твердо заснувшимъ хозяиномъ, который поздно пробудился, якъ солнце уже высоко стояло на небѣ и якъ другіи сосѣди-хозяева уже далеко въ своемъ трудѣ поступили. При руководствѣ а послѣ покровительствѣ Яхимовича, основывались тогда и другіе русскіе Общества, якъ „Галицко-русская Матица“, „Народный Домъ“ съ второю городскою церковью, появились газеты, а все то въ цѣли просвѣщенія и поднесенія русскаго народа. Дня 15 мая появилось первое число „Зори Галицкой“ подъ редакціею Антонія Павенцкаго.

Подъ днемъ 25 мая розослалъ Яхимовичъ, яко епископъ-суфраганъ львовскій и епископъ-номинатъ перемышльскій, въ обѣ тѣ епархіи окружное посланіе съ приведеніемъ императорскаго отвѣта отъ 9 мая на русскую петицію отъ 19 апрѣля, и присоединилъ къ тому весьма благосклонное письмо гр. Стадіона на счетъ образцоваго поведенія русскаго народа въ виду общихъ волненій, якъ то уже выше поднесено. Но съ того же 2 мая, т. е. съ дня основанія русскаго политическаго Общества разразилась польская журналистика цѣлымъ гнѣвомъ на Яхимовича, щобы, оклеветавши предводителя, дискредитовати Русь, нимъ репрезентованную. Онъ бо розвинулъ энергичную дѣятельность, а сопротивляясь польскимъ захотѣніямъ, заохочивалъ и загрѣ-

валъ своихъ, щобы, поддерживая правительство, придерживались вѣры, обряда, защищали народность и добивались правъ.

Въ томъ общемъ воодушевленіи и оживленіи усилилась также идея славянской взаимности между славянами Австріи. Было рѣшено созвать славянскій конгрессъ въ Прагу на день 31 мая. И дѣйствительно съѣхались туда представители поодинокихъ славянскихъ народностей и объявились всѣ противъ гегемоніи нѣмцевъ и мадьяръ. Одни поляки standen по сторонѣ послѣднихъ. Съѣздъ тотъ — то метеоръ въ исторіи австрійскихъ славянъ.

Между тѣмъ у насъ въ Галичинѣ отбывались въ мѣсяцъ іюнѣ выборы пословъ въ вѣденскій райхстагъ. Правительство съ Русью имѣло въ краѣ перевѣсъ и выборы вышли, якъ на то время, для насъ весьма хорошо. Одновременно императоръ Фердинандъ оставилъ Вѣдень, переселился въ Инсбрукъ, и туда былъ призванъ гр. Стадіонъ, который передалъ веденіе гражданскихъ дѣлъ гр. Голуховскому при начальномъ управленіи военными дѣлами главнокомандующаго генерала Гамерштайна. Такимъ образомъ наймолодшій изъ совѣтниковъ, Голуховскій, сталъ вице-президентомъ и десигнованнымъ преемникомъ Стадіона, а именно за то, що будто онъ вызвалъ существованіе „Головной Русской Рады“. Поляки на всякій случай больше желали себѣ видѣти на томъ становищѣ Залеского чѣмъ Голуховского. И дѣйствительно былъ Залескій въ августѣ назначенъ губернаторомъ, и поляки уже тогда старались выворотить себѣ въ Вѣднѣ

всѣми способами то вліяніе, щобы въ свои руки захватити Галичину и то въ такомъ отношеніи ея къ державѣ, какое заняла Угорщина.

Райхстагъ былъ открытъ въ Вѣднѣ дня 10 іюля. Въ первый разъ тогда занялъ въ Австріи публичный урядъ еврей, именно случилось такъ, що яко найстаршій вѣкомъ обнялъ вицепрезидентуру вѣденскій рабинъ, Исаакъ Ное Мангаймеръ, выбранный въ Галичинѣ, въ Бродахъ. Тогда въ первый разъ явились въ райхстагу и селяне, которыхъ прежніи долги вѣки совсѣмъ обезправили. Они были призваны рѣшати о законахъ, не зная: що законъ, а що беззаконіе, такъ якъ выросли именно въ беззаконіи, господствовавшимъ относительно нихъ.

Райхстагъ состоялъ изъ 383 членовъ. Галичина и Буковина доставила ихъ $96 + 12 = 108$; въ томъ числѣ было 38 селянъ, а всѣхъ селянъ вообще 92. Славяне нашлись въ большинствѣ, самыхъ бо славянъ было 190 чело-вѣкъ, а прочее приходило на долю нѣмцевъ и другихъ народностей. Шляхты было сорозмѣрно наибольше изъ Галичины. Засѣдали тутъ также два владыки, и то оба изъ Галичины: Яхвмовичъ и Вержхлейскій, и два рабины, также представители Галичины, а на всякого рода служителей церкви вообще, числомъ 24, припадало 17 изъ одной Галичины.

Относительно числа и поименного списка русскихъ пословъ не соглашаются данныи, якіи находимъ въ сочиненіи Видмана: Smolka, въ Левицкого „Библиографіи“ и Заклинского автобіографіи. Русскими послами считались: 1) Иеронимъ Андрусякъ, господарь, повѣтъ Ско-

лье; 2) Кириллъ Блонскій, священникъ, повѣтъ Яблоновъ; 3) М. Боднаръ, господарь, повѣтъ Радовцы; 4) Стефанъ Гой, госп., п. Залъщики; 5) Василій Гарматъ, госп., п. Микулинцы; 6) Михаилъ Ганкевичъ, свящ., п. Радеховъ; 7) Іосифъ Григорукъ, госп. п. Делятинъ; 8) Іосифъ Дынецъ, госп. п. Сокаль; 9) Иванъ Капушакъ, госп., п. Солотвина; 10) Василь Киретъ, госп., п. Садагора; 11) Лукіянъ Кобылица, госп., п. Выжница; 12) Панько Кдзаръ, госп. п. Жолкобъ; 13) Иванъ Круховскій, госп. п. Городенка; 14) Мартинъ (Матеей) Лейчакъ, госп., п. Теробовля; 15) Стефанъ Лесюкъ, госп., п. Коломыя; 16) Григорій Левицкій, свящ., п. Золочевъ; 17) Іоаннъ Ломницкій, свящ. п. Турка; 18) Мат. Мазуркевичъ, госп. п. Збаражъ; 19) Василь Моргоць, госп. п. Коцманъ; 20) Григорій Нечипорчукъ, госп. п. Снятинъ; 21) Григорій Петришинъ, госп. п. Тысьменица; 22) Константинъ Посадскій, дьякъ п. Рожнятовъ; 23) Евстахій Прокопчиць, проф. гимн., п. Маріамполь; 24) Иванъ Рыжко, госп., п. Куты; 25) Михаилъ Гвѣдковский, свящ., п. Войниловъ; 26) Григорій Шашкевичъ, свящ., п. Монастыриска; 27) Григорій Яхимовичъ, еписк., п. Перемышль. Безъ опредѣленія wyborowego округа приводятся еще имена: Михаилъ Блонскій, госп.; Иванъ Долинчукъ, госп.; Мартинъ Н., госп.; Григорій Тимесь, госп.; Миронъ Чуперковичъ изъ Буковины, крылош. Михаилъ Куземскій и гр. Франць Стадіонъ, выбранный въ Равъ русской. И. Е. Левицкій сообщаетъ въ своей „Библіографіи“ имена: Андрей Диваковский, господарь, повѣтъ Жидачевъ; Иванъ Ставар-

скій, господарь, повѣтъ Винники и Иванъ Федоровичъ, посесоръ, повѣтъ Тернополь. Заклинскій же ошибочно къ числу русскихъ пословъ причисляетъ Іоанна Макуха рим. кае. ксендза отъ Іорданова и якого-то неизвѣстнаго близше совѣтника Садовского, а пропускаетъ Кирилла Вѣнковского, фискальнаго чиновника, вышедшаго въ Яворовѣ, котораго, правда, и одни и другіи себѣ анектовали, и Александра Добрянского, священника греч. обряда, выбраннаго въ Сяноцѣ, который, що-правда и послѣ держалъ всегда съ поляками. Но всего больше удивительно, що Заклинскій пропустилъ имя Іосифа Савки, селянина изъ Оброшина, коло Городка подъ Львовомъ, выборъ котораго, правда, былъ послѣ уневаженъ.

Тѣ-то представители галицко-буковинской Руси засѣдали въ райхстагу частью въ Вѣднѣ, частью въ Кромерижѣ 1848—1849 гг.

Уже въ первомъ собраніи такого многоязычнаго парламента возникъ языковой вопросъ: якъ говорити. Было рѣшено, чтобы тотъ вопросъ обойти, собственно же, чтобы такового не рѣшати. Замѣчательно, що послы-селяне показались людьми резолутными и многіи изъ нихъ сейчасъ въ первомъ засѣданіи забирали голосъ. Именно первый прославился нашъ посолъ Іосифъ Савка, выступившій съ требованіемъ, чтобы каждый посолъ говорилъ на своемъ матернемъ языкѣ, хотя онъ самъ яко „урлопникъ“ зналъ немножко по нѣмецки.

Поляки, не зная въ чемъ дѣло и якіи тому будетъ конецъ, хотѣли показатись весь-

ма либеральными и одобряли предложенье Савки. Но тотъ послѣдній затронулъ тогда вопросъ съ другой стороны и спросилъ: „Кто виноватъ, що селянинъ въ Галичинѣ по нѣмцки не знаетъ, а знаютъ одни паны? Съ давна даже до 3 (15) мая насъ угнетали и мы не могли къ ничему прійти. Селянинъ въ Галичинѣ не имѣетъ чѣмъ жити, въ що одѣтись, бо все паны ему забрали; и якъ же ему въ школу ходити и учитись? Понятно прото, для чего среди насъ нѣтъ никого, кто зналъ бы по нѣмцки.“ (Springer, Sten. Bericht, pag. 11). Въ томъ же смыслѣ добавилъ кто-то другій: „Есть въ Галичинѣ такіи, которые знаютъ по нѣмцки, но тѣхъ, яко намѣряющихся отторгнутись отъ австрійской державы, вѣрныи династии и правительству селяне не хотѣли vybrати.“ То вызвало такіи шумъ среди поляковъ, що бесѣдникъ не былъ допущенъ дальше къ голосу.

Въ десять дней послѣ того состоялось окончательное уконституованье райхстага, а 22 іюля послѣдовало его формальное открытіе. Тутъ сейчасъ поляки заинтерпеловали министерство: Кто есть именно губернаторомъ въ Галичинѣ? Извѣстно бо, що Стадїонъ предполагалъ, будто онъ лишь на короткое время удаляется и оставилъ Голуховского и Гамерштайна на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ онъ не возвратился уже больше. Отвѣтомъ на ту интерпеляцію можно считати именованіе Вацлава Залеского губернаторомъ.

Дня 1 августа была избрана изъ среды членовъ райхстага отдѣльная комісія для

составленія начерка конституціи. Изъ галицкихъ пословъ входили въ ея составъ: Яхимовичъ, Смолька и Земялковскій.

Но именно тогда, въ началѣ августа 1848 г., якъ разъ поднялись голоса въ русскомъ вопросѣ. Былъ то самый щекотливый вопросъ для поляковъ, съ которымъ они и до сегодня не могутъ поладити. Дня 8 августа была именно прочитана въ райхстагу *Petition ruthen. Unterthanen wegen Theilung Galiziens in zwei Gubernien*. Смолька, якъ примѣчаетъ Видманъ (стор. 243), писалъ въ ту пору всегда *Russin i russki przez dwa s, a nie przeczynał on, jakiego znaczenia nabierze* (у поляковъ и недоуковъ!) *różniej różnica między russki a ruskі*. Слѣдуетъ примѣтити, що императоръ уже 19 іюня подписалъ роздѣлъ Галичины; роздѣлъ тотъ былъ одобренъ и въ выдѣлѣ конституціиномъ, который не зналъ, якъ роздѣлити австрійскіи край на поодинокіи группы и въ виду того поддерживали чехи роздѣлъ Галичины на русскую и польскую части, чему сильно противился Земялковскій. Въ декретѣ номинаціиномъ Залеского сказано, що онъ именуется на цѣлую, эвентуально на часть Галичины, если роздѣлъ имѣлъ бы осуществитись. Но поляки сзумѣли въ Вѣднѣ тому *brevi mapi запобѣгнути*; заагитовали именно, що была выслана заосмотренная якъ найчисленнѣйшими подписями петиція иныхъ *Russinen*, не желающихъ роздѣла Галичины.

Въ инструкціи, данной 2 августа Залескому, было сказано, що онъ высоч. рескриптомъ отъ 30 іюля именованъ *zum Gouverneur von Galizien mit Einschluss des Krakauer*

Kreises und der Bukowina, und nach etwa erfolgter Theilung der Provinz in zwei Gubernialgebiete, zum Gouverneur in Krakau, — и назначалось ему 12.000 зр. жалованья, 8.000 зр. столовыхъ а 8.000 зр. на издержки переселенія. Изъ того видимъ, якъ серіознымъ былъ тогда вопросъ роздѣла Галичины, и кто знаетъ, какое огромное значеніе имѣло бы осуществленіе того вопроса для русской народности. Kreisschreiben des k. k. galiz. Landesguberniums, напечатанное кирилицею, гласитъ дословно:

„Наименованіе Министеріального Совѣтника Вацлава Залеского Губернаторомъ края галицкаго. Его ц. к. Величество Высочайшимъ разрѣшеніемъ съ дня 30 Юлія с. г. благоизволили, дотеперѣшняго Министеріального Совѣтника Высокоблагороднаго Вацлава Залеского именовать Губернаторомъ Галиціи разомъ съ Краковскимъ обводомъ и съ Буковиною. Которое Высочайшее наименованіе, прибывшее сюда за декретомъ Высокаго Министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 2 сего мѣсяца подъ н-ро 2281, преподается до всеобщаго извѣстія. Львовъ дня 8 Августа 1848. Голуховскій, вице-президентъ; Этмаеръ, гофратъ; Тацауеръ, сов. губерн.“

Якій языкъ и правопись въ сровнаніи съ нашими нынѣшними языкословными подвигами! Не даромъ Голуховскій состоялъ съ начала членомъ нашихъ русскихъ Обществъ, а послѣ насъ такъ училъ!

Поляки сами были съ начала въ недоумѣніи и долго не знали, щó имъ дѣлать: лучше ли перенести точку тяжести въ Краковъ и поднести старинную столицу Ягай-

лоновъ при современномъ умаленіи значенія Львова, будь-що-будь столицы прежнихъ русскихъ князей и Червоной Руси, или постараются, чтобы оба города были губернскими, пока наконецъ не удалось имъ окуповати и полонизовати Львовъ съ его восточнымъ административнымъ райономъ такъ, що имъ сегодня все равно, такъ якъ цѣлая Галичина отъ Прута по Вислу уже почти полонизована. Въ виду того не безосновно подносятся въ новѣйшее время слухи, що они и относительно судоводства хотятъ на цѣлую Галичину ввести лишь одинъ апеляційный округъ, чтобы и въ томъ отношеніи составляла Галичина одну цѣлость, якъ то уже введено въ административно-политическомъ, школьномъ и другихъ взглядахъ.

Разумѣется, що для такой антирусской агитаціи нашлись готовыи къ услугамъ индивидуа; были то, якъ и сегодня еще къ сожалѣнію случается, своего рода специфичныи Rusyny, основался и Sobor ruskij, явились и петиціи и депутаціи, чтобы только истинной Руси въ ея начинаніяхъ помѣшати. Но Русь наша подала и другую петицію, заосмотренную 15.000 подписями, именно въ пользу роздѣла Галичины, Смолька же агитоваль, чтобы вызвати контрпетицію, и чтобы кто для поясненія того дѣла написалъ свое меморандумъ для роздачи между членовъ райхстага. Prosiłbym jednak o tajemnicę — пишетъ онъ 29 августа — jest to rzecz bardzo ważna, nadzwyczajnie ważna i konieczna, на случай если бы кто изъ русскихъ пословъ, чего надѣяться можно, поляковъ въ палатѣ зацепилъ.

Дня 31 августа роздано въ палатѣ: Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien, zur Aufklärung ihrer Verhältnisse, напечатанное 31 іюля. Въ слѣдъ за тѣмъ началъ 3 сентября Ценглевичъ въ Dziennik-u Narodow-омъ свой отвѣтъ на то, а Антоній Домбчанскій издалъ въ той цѣли свое соч. Ruthenische Frage in Galizien по польски и по нѣмецки, которое сочиненіе вызвало сильное опроверженіе со стороны Е. Прокопчица и А. С. Петрушевича въ книжцѣ подъ такимъ же заглавіемъ съ подписью: beleuchtet von einem Russinen. Съ той поры закипѣла вообще сильная полемика, вызвавшая богатую брошуровую литературу.

Тогда также возникнулъ раздѣлъ на prawdziwych i nieprawdziwych Rasinów, а Smolce było wiadomem, że tak zwani Rusini, którzy związali Rady ruskie, nawet prawdziwymi Rusinami nie byli. Ну, такого рода höherer Blödsinn еще и сегодня считается доброю монетою. Предлогомъ къ такому сужденію было, що въ „Русскіи Рады“ вписывались численно нѣмцы-чиновники, не понимавшіи даже по русски. Такъ утверждаютъ именно противники бывшихъ нашихъ „Русскихъ Радъ“, будто во Львовѣ основалъ по данному Голуховскимъ Стадіону совѣту „Головную Русскую Раду“ губерніальный совѣтникъ д-ръ Іосифъ Эмингеръ, въ Жолкви комисаръ Вольфартъ и прч. Для того то и былъ названъ Стадіонъ съ сарказмомъ изобрѣтателемъ русской народности въ Галичинѣ.

Слѣдуетъ примѣтити, що выше упомянутый Кароль Вольфартъ былъ галицкимъ уроженцемъ, позднѣйше консуломъ, гофра-

томъ и совѣтникомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Происходилъ онъ изъ Бережанъ, зналъ хорошо галицко-русскіи отношенія, былъ послѣ самымъ лучшимъ знатокомъ русскаго языка, и онъ то весьма много содѣйствовалъ въ 1848 году успѣшному посредничеству между русинами и намѣстничествомъ, состоя секретаремъ въ президіальномъ бюрѣ гр. Стадіона.

Не смотря на то признають поляки, що вопросъ то не новый, не родился въ 1848 г., затронули же таковой новонасланныи въ Галичину совѣтники губерніальнии еще въ минувшемъ столѣтію, въ ихъ числѣ именно референтъ школьныхъ дѣлъ въ губерніи въ 1775 г. Іоаннъ Христофъ Коранда. Онъ бо въ своей реляціи, взглядомъ введенія патента для нормальныхъ школъ, говоритъ, що въ Галичинѣ вовсе не имѣется дѣла съ польскимъ элементомъ, но що въ большей части ревиндикованныхъ королевствъ, не польскій языкъ есть розговорнымъ языкомъ населенія, но якій-то діалектъ русскій или иллирскій, въ виду чего не можетъ быти и рѣчи о обязательной науцѣ польскаго языка. Поляки однакожь имѣли то счастье, що надреферентъ въ Вѣднѣ, Фельбингеръ, рѣшилъ вопросъ въ ихъ пользу.

Що Русь не родилась съ 1848 годомъ, извѣстно было также изъ того, що уже въ 1831 году былъ составленъ русскій комитетъ противъ польскаго движенія, хотя все то вышло не въ такихъ размѣрахъ, якъ въ 1848 г. Поляки знали своихъ русиновъ, якъ: Ценглевичъ, Горошкевичъ, Гордынскій, Мохавецкій и

др., возложили на нихъ свои надежды и не обманулись. И того сорта единицы не переводятся, къ сожалѣнію и до сегодня, живутъ еще ихъ протопьясты и отрождаются ихъ пасынки въ другихъ формахъ и подъ другими названіями. Якъ то правда, що Jeszcze Polska nie zginęła, такъ правда и то, що еще Русь совершенно не обѣднѣла, имѣетъ честныхъ сыновъ для себе но и не мало изверговъ для служенія чужимъ богамъ.

Номинаціею Залеского, къ которой головно причинился Смолька, весьма возрадовались поляки, но не бюрократія, изъ среди которой къ явнымъ противникамъ его причислялся гр. Стадіонъ, именованный 22 ноября министромъ внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія, къ тайнымъ же гр. Голуховскій. Залескій уже въ 1845 году былъ гофратомъ для галицкихъ дѣлъ, значить столько, що сегодня министръ для Галичины, а хотя во главѣ имперіи стоялъ императоръ Фердинандъ, то собственно управляла тройца: архикнязь Людовикъ, Метернихъ и Коловратъ. Залескій училъ нашего теперѣшняго императора по польски. Послѣ событій отъ 1846 г. былъ онъ высланъ яко императорскій комисаръ въ Галичину яко бы для провѣрки дѣятельности губернатора и его заступника. Но найденная у Нероя Гошовского, челоуѣка подозрѣннаго, его визитная карточка, помѣшала ему тогда заняти мѣсто губернатора, и пришлось на таковое подождать. Губернаторство его продолжалось довольно коротко, бо лишь съ августа до ноября 1848 г.

Между тѣмъ въ Вѣднѣ изъ дня на день

росло волненіє. Цѣлая ярость люда обращалась противъ военного министра, графа Латуръ. Кириллу Вѣнковскому, защищавшему министра въ критичную минуту, были уже вложили петлю на шію и тащили къ лампѣ; спасъ его изъ рукъ толпы Смолька, заявивши, що то полякъ, посоль и демократъ. Министръ не уйшолъ своей участи; его убили 6 октября, а изъ множества обвиненныхъ и приговоренныхъ по тому поводу виновниковъ, военный судъ приговорилъ дня 14 марта 1849 г. 3 виднѣйшихъ къ висѣлицѣ.

Выше упоминалось, къ чему тогда уже поляки стремились. Они требовали для Галичины отдѣльного правленія и *paradow-ыхъ instytucyi* съ тѣмъ, щобы Галичина составляла ядро или кристализаційную точку будущей Польши. Не приобрѣли они того тогда, когда жили такіи Яхимовичи и хотябы Кобилицы и Капуцаки, но все то переводится и сегодня на нашихъ очахъ. Мадыяры удовлетворили себе въ 1867 г., поляки же тогда лишь въ одной части, прочее приобрѣтають постепенно. Галичина имѣла стояти къ Австріи лишь въ персональной уніи.

Тогда въ томъ памятномъ году, и въ памятныхъ засѣданіяхъ вѣденскаго райхстага, дошло до того, що Владиславъ Сѣраковскій, названный вѣденцами по причинѣ своего атлетичнаго роста *Reichstagselephant*, поставилъ предложеніе съ тѣмъ, щобы оно было сейчасъ прочитано и яко наглагольное подвергнуто дискусіи. А содержаніемъ упомянутого предложенія было: рѣшити сейчасъ детронизацію династіи Габсбурговъ и прогнати

изъ державы всѣхъ ея членовъ (Smolka 491). Предусмотрительность и зоркость Смольки не допустили къ такой аберациі и скандалу.

Школьные дѣла составляли и составляютъ всюду и у всѣхъ важный вопросъ. Губернаторъ Залескій, удовлетворяя подносящимся голосамъ, дабы въ школахъ увзгляднати народности, поручилъ составленіе новой организаціи школьныхъ дѣлъ Францу Стронскому, профессору львовскаго университета; въ министерствѣ велѣ тѣ дѣла министръ Фр. Стадіонъ, собственно же дѣлалъ все секретарь Александръ Гельфертъ. По уступленіи изъ министерства сов. Фишофа, былъ именованъ на его мѣсто министеріальнымъ совѣтникомъ въ министерствѣ просвѣщенія Григорій Шашкевичъ, *jeden z najskrajniejszych świętojuców*. Одновременно былъ онъ именованъ почетнымъ крылошаниномъ перемышльской капитулы, и якъ въ Вѣднѣ такъ и въ Кромержѣ считалъ его Смолька своимъ наибольшимъ и *jedynym zasiętym wrogiem*. Видно, що онъ, яко высокій министерскій чиновникъ, могъ польскіи закулисовыи работы парализовати, могъ многое знати, о чемъ не каждому было извѣстно. Хотя прото съ русской стороны его дѣятельность въ министерствѣ различно оцѣняется, то все таки навлекъ онъ на себе дожизненное нерасположеніе поляковъ.

Тогда то возникнулъ на ново вопросъ преподавательнаго языка въ народныхъ школахъ Галичины. Съ вступленіемъ Шашкевича въ министерство былъ высказанъ принципъ, що по Сянѣ не польскій лишь русскій языкъ

имѣть быти преподавательнымъ во всѣхъ школахъ, съ увзглядненіемъ нѣмецкого языка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Дѣлая такую уступку нѣмцамъ, надѣялся Шашкевичъ при ихъ помощи що-нибудь для Руси скорше выторговати, якъ то въ политичѣ нерѣдко бываетъ. Такъ и сталося. Поляки старались съ своей стороны тому воспрепятствовать и приобрѣли даже чеховъ противъ Руси, а особенно противъ Шашкевича. Между тѣмъ въ вѣденской официальной газетѣ отъ 21 января 1849 г. были опубликованы выше приведенныя языково-преподавательныя опредѣленія для 12 округовъ восточной Галичины.

Въ райхстагу выступилъ противъ того посолъ Дылевскій, по мнѣнію котораго Марія Терезія также *wschodnim obwodam Galicyi zapewniła zachowanie polskiej narodowości*. Но тутъ же забралъ голосъ селянинъ-посолъ Капушакъ и доказалъ Дылевскому, що восточная Галичина то Русь, а не Польша, и затребовавъ, чтобы въ составъ громадской комисіи былъ избранъ также одинъ русскій посолъ. Попель, также признававшійся къ русской народности, хотѣлъ отвѣчати Капушаку, по практичѣ: *Puścić Rusina na Rusina*, но тутъ же въ защитѣ Капушака репликовалъ Шашкевичъ.

Замѣчательно и то, що ректоръ львовскаго университета, д-ръ Карльманъ Тангль, привѣтствуя довременнаго управителя губерніею, гр. Голуховскаго, высказалъ благодарность именемъ цѣлой восточной Галичины за то, що львовскій университетъ стался русскимъ, или русско-нѣмецкимъ и що прави-

тельство увзгляднило справедливыи желанія края.

Для характеристики тѣхъ временъ и отношеній у насъ въ Галичинѣ вообще слѣдуетъ замѣтити, що нигде не было такъ яркого розличія между сельскимъ а городскимъ населеніемъ, якъ именно тутъ. Если же таковое гдѣ нибудь и существовало, то имѣло экономичный и соціальный характеръ, въ Галичинѣ же больше политичный. Съ одной бо стороны стояла Польша, съ другой Русь въ соединеніи съ правительствомъ.

Изъ тѣхъ временъ розказують, якъ Яхимовичъ справился однажды съ іезуитами. Состоялъ онъ тогда еще помощникомъ митрополита и имѣлъ титулъ епископа помпеополитанского въ предѣлахъ невѣрныхъ. Въ ту пору явились къ нему іезуиты, предлагая свои услуги въ цѣли роспространенія католицизма посредствомъ мисій. „Прехорошо, отлично — сказалъ Яхимовичъ — богоугодное дѣло исполните“. Самъ онъ однако зналъ, о що собственно іезуитамъ розходитя. „Но мы просили бы ваше преосвященство о list polecający для удостовѣренія и порученія насъ подвѣдомственному клиру“. „Не могу того сдѣлати — отвѣтилъ Яхимовичъ — никого тамъ не знаю, мнѣ отношенія въ моей епархіи совершенно не извѣстны“. Іезуиты высказали свое недоумѣніе, не вѣря въ то, щобы Яхимовичу неизвѣстны были дѣла въ Тернополѣ, Збаражѣ и другихъ мѣстностяхъ восточной Галичины, куда они хотѣли ийти на мисію. „А, то другое дѣло — сказалъ имъ Яхимовичъ. — Извините, архіепархіа належитъ къ его превос-

ходительству митрополиту, не ко мнѣ. Впрочемъ тамъ живутъ одни католики, имѣютъ своихъ душпаستырей, и въ вашихъ мисіяхъ не нуждаются. Я думалъ, що вы намѣрены отправитись въ мою помпеополитанскую епархію, въ предѣлы невѣрныхъ, и просите мене, о соизволеніе тамъ же проповѣдывати. Въ такомъ случаѣ я былъ готовъ благословити васъ на путь“.

Я. О. Головацкій розсказуетъ въ своей автобіографіи (Лит. Сборникъ „Галицко-русской Матицы“ 1885 г. стор. 40), що онъ же въ своей брошурѣ: *Zustände der Russinen in Galizien* больно задѣлъ митроп. Левицкого и еписк. Яхимовича, считая послѣдняго эгоистическимъ честолюбцемъ и негодуя на него за то, що онъ держалъ проповѣдь на канонизацію іезуита Андрея Боболи. Когда Головацкій поднесъ Яхимовичу „Пословицы“ Илькевича, тотъ не хотѣлъ ихъ принять, когда же Головацкому было отказано въ *titulum mensae*, онъ просилъ, совѣтовался, но Яхимовичъ казался ему быти на все равнодушнымъ. Головацкій вышолъ отъ него съ огорченіемъ, думая про себе: мой профессоръ, мой ректоръ, мой отецъ духовный и не можетъ мнѣ дати совѣта, безсердечный! Послѣ, когда Яхимовичъ сталъ епископомъ, онъ — якъ пишетъ Головацкій, — оказался другимъ человекомъ: и хорошимъ русскимъ, и снисходительнымъ отцемъ галицкой Руси. „Мнѣ стыдно стало — примѣчаетъ Головацкій — за тотъ упрекъ, якій я ему сдѣлалъ въ названной брошурѣ, но мене озлобляло, що онъ, яко докторъ философіи и богословія, подписывалъ себе: Іа-

хѣмовѣчь — значитъ: дѣлалъ въ подписи собственнаго имени три орфографическія ошибки“.

Н. Устіяновичъ примѣчаетъ (тамъ же стор. 43), що его стихотвореніе „Слеза на гробъ Михаила Гарасевича“, Яхимовичъ похвалилъ, велѣлъ перевести на нѣмецкій языкъ и постарался о напечатаніе такого въ одномъ изъ журналовъ въ Вѣднѣ. Добавимъ тутъ, що мати Яхимовича была рожденная Гарасевичъ, значитъ была сестрою Михаила и Іоанна, послѣдній же, бывшій священникъ, за який-то прегрѣшенія суспендованъ, проживавъ послѣ въ Вѣднѣ, и ему, яко своему дядѣ, помогалъ матеріально Яхимовичъ.

Замѣчательно еще одно явленіе. Якъ у насъ сегодня наибольше деморализованныхъ селянъ форитують въ автономичныя репрезентаціи и протегують безхарактерную интеллигенцію, выдвигая ю на видныя становища, такъ тогда въ мазурской части Галичины розличныхъ Tomaszów i Wojciechów, на которыхъ лежала даже вина явного участія въ рѣзні 1846 г., перефорсовано въ Вѣдень на пословъ отъ имени поляковъ, и то еще на пр. изъ такой Тарновщины! Забыли, видно, поляки сегодня, якъ имъ было мило видѣти въ парламентѣ такихъ представителей, которыхъ избралъ Стадіонъ съ своими чиновниками...

Поляки давно уже выдумали были фразу: wolni z wolnymi, równi z równymi; съ 1848 годомъ народилось и слово „равноправность“. Сколько бы и касушилъ себѣ кто голову, щобы таковое пояснити, то все таки не нашолъ бы лучшей его дефиниціи, якъ то опредѣлилъ Смолька 1 января 1849 г. Онъ имен-

но сказаль: То równouprawnienie wszystkich narodowości w państwie austriackim wydaje mi się bardzo podobnem do żelaznej klatki, w której zamknięto kilkanaście hyen, między sobą się żrących, z wartownikiem na to uważającym, aby żadnej na śmierć nie zażarto, a ile możności każdej równa działka razów się dostała. (Smolka стор. 694). Такъ дѣйствительно до сихъ поръ выглядаетъ та менажерія.

Послѣ бомбардаціи Вѣдня, Праги и Львова, не могъ райхстагъ дальше отбывати свои совѣщанія въ Вѣднѣ, и послѣднее засѣданіе отбылось 12 ноября, слѣдующее же состоялось уже въ Кромерижѣ 23 ноября. Но происшествія слѣдовали по собѣ весьма скоро и неизвѣстно даже, кто тогда вліялъ на такъ скорое ихъ рѣшеніе: соймъ, генералы, или императоръ? Тотъ послѣдній, Фердинандъ Благій, чувствовалъ себе наименьше къ тому званымъ, и для того 2 декабря въ Оломунцѣ сложилъ корону въ пользу своего племянника, 18-лѣтняго Францъ-Іосифа.

Собранный райхстагъ узнавши о такой смѣнѣ, сейчасъ 3 декабря избралъ депутацію, которая имѣла нового императора въ Оломунцѣ привѣтствовать и съ уступившимъ въ Празѣ распрощатись. Въ составъ той депутаціи входили изъ Галичины: Вѣржхлейскій, Смолька и Яхимовичъ. Не входимъ въ близшій роземотръ той депутаціи, упоминаемъ однако о другой, о которой розсказаль въ своей автобіографіи А. Заклинскій.

Послѣ уступленія Фердинанда рѣшили русины, яко представители отдѣльнаго народа, въ отдѣльной депутаціи нового императора

привѣтствовати, прежняго же за оказанную имъ до теперъ высочайшую милость поблагодарити. Депутація состояла изъ 18 членовъ, еъ Яхимъ вичемъ во главѣ. Было то важное выступленіе Яхимовича, яко извѣстнаго предводителя галицкой Руси, предсѣдателя „Головной Русской Рады“, всѣми признанного вождя; то былъ прозорнымъ политикомъ удачно выкорыстанный моментъ

Яхимовичъ держалъ привѣтственную рѣчь къ новому императору и, указавши на 100-лѣтнюю лояльность и вѣрность русского народа къ австрійской династіи, просилъ о дальшее покровительство монарха, по примѣру его предшественниковъ. Императоръ отвѣтилъ снисходительно. Изъ Вѣдны отправилась депутація въ Прагу къ императору Фердинанду. И тутъ Яхимовичъ тронулъ до слезъ императора, который заявилъ, що пріятно ему передъ собою видѣти представителей вѣрнаго русского народа. Вечеромъ зашли всѣ члены депутаціи въ гостинницу. Яхимовичъ остался одинъ у себе въ квартирѣ. Мѣстный оркестръ, увидѣвши собравшихъ русиновъ, заигралъ „коломыйку“. Члены депутаціи послали оркестръ и подъ окна Яхимовича, еще не спавшаго, чѣмъ его весьма возрадовали.

Изъ пребыванія русскихъ пословъ въ Кромерижѣ слѣдуетъ упомянуть и о отпразднованіи тамъ же іорданскаго торжества дня 6 (18) января 1849 г.; Заклинскій исполнялъ функцію капеляна Яхимовича. Не извѣстно, кому собственно належитъ инициатива но, конецъ-концовъ, рѣшили всѣ устроить величавое водосвященіе, приготовили все, недостающіи же

ризы и церковную утварь привезли изъ Львова. Епископъ Яхимовичъ постарался у президіи, щобы въ тотъ день не было засѣданія. Звукъ колоколовъ роздался въ катедральномъ костелѣ, народъ сходилъ отовсюду, хотя бы уже изъ самого любопытства, щобы увидѣти славянское Богослуженіе. Въ 11 часовъ началась Литургія; 18 русскихъ пословъ-селянъ вышли съ зажженными свѣщами, за ними молодшая асиста, дальше старшіи священники и крылошане въ ризахъ, наконецъ Яхимовичъ въ полномъ епископскомъ облаченіи. По Богослуженію отбылось шествіе на рѣку. Порядкомъ удерживали мѣстныи граждане; всѣ послы присматривались съ любопытствомъ церемоніи водосвятія по восточному обряду. Послѣ мѣстныи славяне-моравяне требовали введенія у себе такого торжества, но ихъ усилія до сегодня не вѣнчались успѣхомъ. Была то однако, кажется, послѣдняя на чужинѣ величавая манифестація русиновъ не лишь въ томъ году, но и не повторилась никогда больше на таку скалю, такъ торжественно и въ такой формѣ.

Между тѣмъ райхстагъ засѣдалъ дальше въ Кромержѣ. Яхимовичъ держалъ дня 23 января рѣчь въ конституційномъ комитетѣ за роздѣломъ Галичины (Stenograf. Prot. 24—25). А проектировалось тамъ розличное, даже роздѣлъ Австріи на 7 провинцій, по проекту же Палацкаго цѣлая Галичина съ русскою частію Венгріи. Буковина имѣла составлять польскую область. Наконецъ былъ закрытъ райхсратъ 7 марта 1849 г.

Посвятили мы больше мѣста тому райхс-

тагу, ибо хотя не существовало тогда еще такое посольское устройство съ предсѣдателями и секретарями, якое существуетъ сегодня, то будь-что-будь должны мы признать Яхимовича головою русской делегаціи въ Вѣднѣ и Кромерижѣ, такъ якъ никто другій, лишь онъ, руководилъ цѣлою тою делегаціею, о сколько она считала себе призванною защищать интересы русского народа.

По закрытіи райхстага остался лишь Шашкевичъ въ Вѣднѣ для поддержанія русскихъ дѣлъ на мѣстѣ. Яхимовичъ возвратился на родину и въ мѣсяцѣ мартѣ обнялъ управленіе перемышльской епархіею. Дня 23 марта состоялась его торжественная интронизація. Въ томъ году появились первыи, ему посвященные стихотворенія, якъ по случаю его ангела, такъ и по случаю торжества интронизаціи, и съ тѣхъ поръ повторялись тѣ заявленія сыновнихъ чувствъ ежегодно до конца жизни и долго еще по смерти Яхимовича.

Въ Перемышлѣ онъ нашолъ почву хорошо къ засѣву подготовленную. Тамъ были уже извѣстны дѣятели, которыхъ нужно было лишь заохотити и поддерживать. Къ такимъ дѣтелямъ належалъ въ первой линіи Антоній Добрянскій, который еще въ томъ же самомъ году за ходатайствомъ Яхимовича удостоился полученія золотой медали отъ правительства въ признательность за свои заслуги. Самъ Яхимовичъ считался, по словамъ Вурцбаха, яко die treueste Stütze der Regierungspartei, и яко для державы, церкви и страдающаго челоувѣчества заслуженный и ученый князь церкви былъ от-

личенъ императоромъ крестомъ командорскимъ Леопольда дня 9 іюля 1849 г.

Въ маѣ 1849 г. состоялся переходъ черезъ Галичину русскихъ войскъ въ Венгрію для усмиренія мадярскаго мятежа.

V.

Яхимовичъ епископъ.

1850—1860 гг.

Въ епископскомъ званіи провелъ Яхимовичъ сверхъ десять лѣтъ, такъ какъ митрополитомъ былъ онъ именованъ 5 сентября 1859 г. Въ томъ десятилѣтіи припадаеъ періодъ великой, усиленной, патріотическо-религійной дѣятельности сего святителя, достойного преемника и дальшого двигателя русской идеи по мысли своего предшественника Снѣгурского. Тому обстоятельству одолжена перемышльская епархія, що долго славилась далеко высшимъ развитіемъ, чѣмъ львовская архіепархія. Слѣдовало бы заглянути въ акты перемышльской консисторіи, чтобы многое разузнати; нужно бы спросити живыхъ еще свидѣтелей той эпохи. Упомянемъ лишь, що въ Перемышлѣ издавались русскіи книжечки, що тутъ А. Добрянскій сталъ первый издавати свой календарь „Перемышлянина“ съ весьма цѣнными историческими монографіями. А все то не могло не дѣяться безъ содѣйствія и благословенія владыки, радовавшогося всякимъ такимъ начинаніямъ.

Дня 18 марта 1850 г. выслали Левицкій

и Яхимовичъ новую петицію къ императору съ весьма основнымъ умотивованіемъ, въ дѣлѣ учрежденія епископства въ Станиславовѣ. Слѣдуетъ примѣтити, що то вовсе не новый вопросъ, а просили о то уже въ 1790 г. епископы Петръ Бѣлянскій и Максимилианъ Рыло. Въ 1806 году повторилъ то само епископъ Ангелловичъ, прося о два новы епископства: въ Снятинѣ и Городенцѣ. Въ 1842 году, на воззваніе настоятеля ватиканской бібліотеки, Тайнера, составилъ протоіерей М. Малиновскій основной въ томъ дѣлѣ докладъ съ предложеніемъ основанія такихъ епископій въ Станиславовѣ и Тернополѣ.

Дѣло то поднесла и „Головная Русская Рада“ въ 101-мъ засѣданіи отъ 14 сентября 1849 г. и выслала къ императору отдѣльную депутацію, въ составъ которой входили Куземскій и Прокопчицъ. Наконецъ императорскимъ рѣшеніемъ отъ 28 мая 1850 г. было рѣшено открыти епископію въ Станиславовѣ, на що и Римъ согласился, якъ сказано въ министерскихъ рескриптахъ отъ 22 сентября 1850 г. н-ры 2389 и 2676. Вправдѣ галицкая Русь имѣла въ то время кардинала примаса, найвысшого достойника, якого ни прежде ни послѣ уже не имѣла, однако онъ, митрополитъ Мих. Левицкій, былъ уже человѣкомъ старымъ такъ, що первенствующая роль все таки почивала въ рукахъ Яхимовича.

Русскому движенію, а взглядно хорошимъ успѣхамъ въ эрѣ нашего отрожденія, не могли равнодушно присматриватись поляки, хотя бы уже по той одной причинѣ, що если що-нибудь получить Русь, то мень-

ше останется для нихъ. То совсѣмъ ясно. Для того, какъ всегда и всюда отъ непамятныхъ временъ, какъ особенно въ 1848—1849 гг., они и теперь вели свою подпольную работу противъ Руси, и то съ успѣхомъ, такъ какъ время того десятилѣтія не можно назвати у насъ прогресомъ, а только удержаньемъ достигнутыхъ прежде уступокъ и добычей. Напротивъ, даже введеніе русскаго языка въ школахъ было вздержано; инспекторомъ среднихъ школъ былъ именованъ Евсеій Черкавскій; печатанію русскихъ изданій ставились различныя препятствія; русскихъ учителей и катихитовъ до крайности преслѣдовалъ Черкавскій, принявшій на себе роль цензора русской устной и письменной рѣчи. Кромѣ такого явнаго преслѣдованія шли параллельно еще страшнѣйшія, ибо тайныя денунціаціи, въ которыхъ оклеветывалась вся интеллигенція, весь клиръ, іерархія и то въ обвиненіяхъ найтяжшаго калибра, не потерявшихъ и теперь еще своей силы, именно въ симпатіи къ Россіи и православію. Русь чувствовала и на практицѣ испытывала чѣмъ разъ больше послѣдствія такого давленія, а не знала, что то есть и для чего такъ дѣется, пока изъ той бременной хмары не вылетѣлъ громъ 1859 года.

Правительственные органы съ времени губернаторства Голуховскаго стали ити полякамъ на руку. Русскіи катихиты не замѣщались, служившіи уже катихиты перемѣщались, дир. Прокопчицъ былъ переслѣдованъ. Пришло до того, что министръ просвѣщенія называлъ нашъ святой литургическій языкъ

нисенитницею, ein wertloses Gebilde (Sprachfrage 17.); календарь нашъ не уважался, а отъ консисторіи затребовано передѣлки библии на простонародное нарѣчіе. На счастье нашлись тогда не такіи люди, якъ теперь, а славными отцы наши, безъ которыхъ и насъ можетъ уже сегодня не было бы, — они то бодро, энергично и неустрашимо постояли въ защитѣ нашихъ святощей, отперли съ честью мерзскій нападъ. Достойными ихъ имена да святятся въ памяти грядущихъ поколѣній: Куземскій, Машиновскій, Головацкій, Лозинскій, Яновскій, Шашкевичъ, Литвиновичъ, — а въ дальшемъ ряду и Яхимовичъ.

Яхимовичъ въ то все время успѣшно подвизался въ своей епархіи при хорошихъ и отличныхъ сотрудникахъ. На его предложеніе былъ именованъ въ 1856 году Ант. Добрянскій почетнымъ крылошаниномъ перемышльской капитулы, самъ же онъ, Яхимовичъ, былъ возведенъ 12 іюля 1854 г. въ бароны.

Въ 1857 году былъ Яхимовичъ съ Добрянскимъ въ Русскомъ-Селѣ коло Дубецка, гдѣ освятилъ новопостроенную церковь. Церковь ту построила гр. Вайзенвольфъ изъ благодарности къ жителямъ того села, спасшимъ ю въ 1846 г. отъ мазурской рѣзни, и постаралась о отдѣльный приходъ, такъ якъ прежде село то было присоединено къ Дубецку. Все то сдѣлалось не безъ долгой переписки, но именно при усердномъ содѣйствіи Яхимовича, заботившагося о расширеніи русскаго обряда хотя бы убольшеніемъ самостоятельныхъ русскихъ приходовъ. Поѣхалъ онъ точно

туда на освященіе церкви, такъ какъ то было важное событіе, такое обстоятельство, которое слѣдовало выкорыстати, перевести въ русскомъ дусѣ и съ успѣхомъ для русскаго дѣла.

Дня 2 (14) января 1858 г. упокоился въ Уневѣ старенькій примасъ-кардиналъ и митрополитъ галицкой Руси, Михайлъ Левицкій, на 84 году жизни. По лѣтамъ службы, заслугамъ, дарованіямъ и значенію, одинъ лишь перемышльскій владыка, Яхимовичъ, уже отъ 18-ти лѣтъ носившій митру, а съ 1848 г. считавшійся всею Русью первѣйшимъ духовнымъ начальникомъ, могъ имѣти право на осиротѣлый митрополичій престолъ. И если бы то отъ Руси было зависѣло, Яхимовичъ былъ бы на слѣдующій день провозглашенъ митрополитомъ. Но извѣстно, що автономія нашей церкви давно исчезла, що не мы владыкѣ поставляемъ для себе, не мы о себѣ рѣшаемъ.

Такъ и тогда случилось. Вотъ бо нашолся и еще одинъ соубѣгатель митратъ, о 19 лѣтъ молодшій вѣкомъ, Спиридіонъ Литвиновичъ, который несполна одинъ годъ былъ суфраганомъ при кардиналѣ. Онъ же, Литвиновичъ былъ именованъ въ 1859 г. апостольскимъ администраторомъ и епископомъ Канаты. Оба тѣ кандидаты имѣли сильныи плечи; Литвиновичъ особенно въ высочайшой семьѣ пользовался протекціею, гдѣ его давно знали яко весьма даровитого человѣка. Одно лишь счастье, що оба были хорошими русскими людьми, оба не по сердцу полякамъ. Другого выхода не было: одинъ изъ нихъ непременно

*

долженъ былъ заняти митрополичій престолъ. Занулисовыи интриги проволочки лишь дѣло на почти три лѣта. За то время списались горы доносовъ, было много розспросовъ, дѣлалось многое по-за плечами интересованныхъ, пока окончательно воля императора не побѣдила и не положила всему предѣлъ въ 1860 г. Изъ того же *interregnum* могъ каждый уже познати, якъ то бѣдна наша Русь по поводу незванной латино-польской опеки надъ нашею церковью и народностью.

Когда за Голуховского послѣдовало рѣшеніе отъ 26 іюля 1859 г. н-рѣ 959, устранивающее между прочимъ и букву ъ, то стоящій во главѣ народа Яхимовичъ въ самъ день праздника Преображенія Господня, по торжественномъ богослуженіи, къ собравшимся въ его палатѣ капитульнымъ крылошанамъ еказалъ: Слышали вы чтенія нынѣшнихъ парамей? Тамъ провозглашалось: „Безмолвствуйте здѣ, дондеже возвращуся къ вамъ: се Ааронъ и Оръ будетъ съ вами“. (Мойс. гл. 34 стих. 14). И добрый архипастырь отправился въ Вѣдень, пояснилъ дѣло въ мѣродательныхъ сферахъ, былъ на аудіенціи у императора, и сдѣлалъ то, що рескриптомъ отъ 13 марта 1861 г. н-рѣ 1476 было устраниено упомянутое рѣшеніе министерства. А сегодня що дѣется?!

О томъ 1859 году, о Голуховскомъ и Черкавскомъ слѣдуетъ нѣсколько словъ сказать. Замѣчательны ихъ два доклады (*Ruth. Sprachfrage* 214—263, 264—269): одинъ тайный за н-ромъ 77 для дирекціи полиціи въ Вѣднѣ отъ 27 апрѣля, а другій министру внутрен-

нихъ дѣлъ Баху отъ 7 іюля 1859 г. н-ръ 3938. Тутъ говорится, що до 1848 года такъ стояли дѣла въ Галичинѣ, що всѣ грамотныи люди лишь по польски писали, говорили и учились, а по русски лишь немножко богословы, щобы знати оріентоватись въ церковныхъ книгахъ, а и русское духовенство и іерархія не имѣли значенія передъ привилегіованнымъ (bevorzugt) римскимъ. Тотъ докладъ ссылается на многіи прежніи отъ 1842, 1853, 1857 годовъ, очерняется дѣятельность „Головной Русской Рады“, — которая въ виду позднѣйшихъ секатуръ добровольно розвѣзалась — дальше „Зоря Галицкая“, „Перемышлянинъ“, Зубрицкого исторія и всѣ и вся. Особенно оклеветывались професоры и ученики, а величался Черкавскій, яко хорошій русскій человекъ. Писалось тогда по-за плечи, якъ и теперь пишется, а исторія только по нашей смерти узнаетъ що нибудь, или и тогда, быти можетъ, пропадутъ фоліалы, и пойдеть съ непломъ безсовѣстная работа нашихъ противниковъ, невинно же оклеветанная наша слава оправдана будетъ лишь въ очахъ тѣхъ, которые насъ знаютъ, и въ очахъ всевѣдущаго Господа.

Тутъ слѣдуетъ упомянути о трехъ папскихъ посланіяхъ Яхимовича въ 1859 году, первое изъ которыхъ касается собиранія жертвъ на „Народный Домъ“ и вторую городскую церковь во Львовѣ, второе поручаетъ газету „Вѣстникъ“, а третье взымаетъ вѣрныхъ къ молитвамъ о благополучіе австрійскаго оружія въ войнѣ съ Италіею. Не меньше теплымъ словомъ слѣдуетъ упомянути о

искренней защитѣ кириллицы владыкою Литвиновичемъ въ фамозной антикирилической комисіи Голуховского, и поднести его весьма хорошо составленное Gutachten отъ 19-февраля 1859 г. въ дѣлѣ научнаго плана въ русскихъ народныхъ школахъ. То отличный элаборатъ. („Дѣло“ отъ 23 іюня 1892 г. напечатало то, що я, засѣдая въ выдѣлѣ Русскаго педагогическаго Общества давнѣйше былъ составилъ въ дѣлѣ русскаго языка въ женскихъ львовскихъ школахъ — однако президія упомянутого Общества не хотѣла подписати и выэкспедіовати.)

VI.

Яхимовичъ митрополитъ.

1860—1863 гг.

Якъ 1848 годъ былъ замѣтный въ матеріальномъ отношеніи освобожденіемъ крестьянъ, такъ не меньше 1860 годъ важный изданіемъ диплома отъ 20 октября, въ духовомъ значеніи для австрійскихъ народовъ вообще, въ исторіи же галицкой Руси въ особенностяхи. Въ томъ году было устранено все, що затѣвалъ, чѣмъ безпокоилъ и тормозилъ насъ Голуховскій. Якъ день 3 мая 1848 г., такъ день 13 ноября 1860 г. ровно для насъ замѣчателенъ.

Григорій Яхимовичъ былъ именованъ императоромъ еще 5 сентября 1859 г. и подтвержденъ Римомъ 23 марта 1860 г. въ ми-

трополичомъ званіи, интронизація же послѣдовала только при концѣ 1860 года. Время отъ номинаціи до интронизаціи, цѣлый годъ, то время и сегодня еще не веѣмъ извѣстной закулисовой борьбы, о которой едва когда узнаетъ исторія.

Въ память той еѣо счастливой номинаціи въ августѣ названнаго года, было издано по-важное, тому же владыцѣ посвященное сочиненіе: „Зоря Галицкая, яко альбомъ на 1860 годъ“. Въ составленіи такового приняли участіе всѣ литераторы австрійской Руси обоѣго пола, числомъ 52. Сердечно радовался Яхимовичъ такимъ громаднымъ успѣхомъ на поприщѣ русской литературы. Изъ литераторовъ не было уже Левицкого-Глойзнера, упокоившагося 24 мая, а онъ былъ бы докинулъ здѣсь свою цеголку къ тому зданію. Для Руси настала эра счастливаго развитія народной жизни. Сильная, твердая рука одного великаго отца отечества сдавила голову страшной гидры. Изъ 1000 экземпляровъ той книги, сейчасъ 900 схватила русская публика, хотя то было одно изъ объемистыхъ и дорожшихъ сочиненій. Вѣрно протѣо сказалъ тогда Наумовичъ:

„Еще не имѣли мы такого дня,
Еще русскихъ пѣсень столько не бывало,
Столько сердецъ русскихъ въ старомъ гра-
[дѣ Льва

Вокругъ того сердца, що всю Русь об-
[няло !...“

Примѣтити слѣдуетъ, що къ тому возбужденію и теперь причинилось посредственно живѣйшее движеніе среди польскаго об-

щества. Въ тѣ бо то времена митрополичей власти Яхимовича припадаетъ послѣднее польское возстаніе, употребленіе національнаго строя, принятое и русскою молодежью. Тогда былъ изданъ портретъ Яхимовича яко митрополита, а на листовой бумазѣ была тоже его миниатюрная фотографія.

Достойный митрополитъ-номинатъ такъ долго не вступилъ на свой митрополичій престолъ, пока прежде не очистилъ не то уже себе, но и весь русскій народъ отъ тяжкого оклеветанія, какое вороги его, по-за его плечами, кинули на него передъ центральнымъ правительствомъ въ Вѣднѣ. Двократно, 21 и 23 сентября (Ruth. Sprach- und Schriftfrage p. 211—213 и 269—276) предлагалъ онъ императору свои Majestätsbeschwerden, и просилъ или очистити Русь переведеніемъ строгаго изслѣдованія отъ скверныхъ, въ денунціаціяхъ поднесенныхъ замѣтовъ, такъ якъ во всѣхъ тѣхъ заподозрѣваніяхъ нѣтъ и тѣни правды, или не влагати при такихъ обстоятельствахъ на его голову тяжелой митрополичей митры, иначе бо онъ dasjenige Vertrauen nicht besitzen würde, welches zur Leitung der Lemberger Erzdiözese unentbehrlich ist. Подозрѣнія и денунціаціи оказались безосновными, даже слѣдства ніякого не было, лишь кинули все въ кошъ. Що то однако за характеръ былъ у сего мужа! Былъ, есть, или будетъ когда такіи кандидатъ, который во время своей, изъ всѣхъ сторонъ оспориваемой кандидатуры, такъ говорилъ? Именно, чтобы Яхимовича точно оцѣнити, нужно бы все то знати, що онъ отклонялъ и отражалъ отъ насъ, и то съ успѣ-

хомъ, и нужно бы знати, якімъ нападъ, интриги, доносы выходили и сыпались якъ изъ рукава на Русь. И если уже не инициаторско-позитивныи, то оборонительныи его заслуги огромны.

Въ другомъ прошеніи, поданномъ на имя императора 23 сентября, Яхимовичъ, по должномъ и вѣрномъ изложеніи дѣла, въ пяти точкахъ высказуетъ требованія Руси: 1) Устранити приказъ министерства, вводящій новую правопись и оставити русинамъ дѣло ихъ языка и правописи; 2) ввести русскій преподавательный языкъ и въ тѣхъ городскихъ школахъ, гдѣ не $\frac{2}{3}$, а просто есть большинство русскихъ дѣтей; 3) чтобы въ гимназіяхъ восточной Галичины былъ русскій языкъ обязательнымъ предметомъ; 4) чтобы русинамъ было свободно русское письмо и языкъ въ урядахъ и судахъ употреблять; 5) чтобы въ конкурсахъ отъ урядниковъ для восточной Галичины требовалось знаніе русскаго языка и письма. И три точки уже въ 1861 г. были исполнены, а исполненія прочихъ надѣялись всѣ, такъ якъ то съ 1848 г. было уже собственно русинамъ признано.

Нужно бо примѣтити, що противники наши старались и тутъ, чтобы русины не свою скоропись, но якую-то писанину, употребляемую еще передъ печатію, употребляли, или сказавши просто, чтобы писали печатною азбукою, а всѣмъ извѣстно, що ни латинскою, ни готицкою никто сегодня такъ не пишетъ якъ печатаетъ, хотя оно и ясно, що передъ печатаніемъ было все однаково, или собственно одно, и только послѣ вытворились

розличія между печатними а рукописними значками алфавита. Конецъ концовъ выбороу намъ Григорій многое. Когда же Русь о тѣхъ его стараніяхъ узнала, тогда еще больше убѣдилась, кто тотъ Яхимовичъ. Не о себе, не о митру, а о благо народа просилъ онъ. Пришла пора, що тотъ любимецъ Руси обнялъ заслуженное первѣйшее становище, и тѣмъ поясняется общій энтузіазмъ 1860 года.

Въ первыхъ дняхъ ноября роспрашался Яхимовичъ съ Перемышлемъ, съ своею епархією и съ Валявою, гдѣ любилъ у Добрянскаго и съ Добрянскимъ пребывати и трудитись. Добавимъ тутъ, що Яхимовичъ любилъ заниматись механикою, и перебиваючи въ Валявѣ, конструовалъ корабли. Пращаніе съ духовенствомъ и съ народомъ состоялось торжественно въ самомъ Перемышлѣ. Былъ то радостно - печальный день, когда пращались дѣти съ отцемъ. Яхимовичъ такъ любилъ Добрянскаго, що уже по пращаніи, четвернею коней, поѣхалъ въ Валяву и сложилъ ему пращальный визитъ.

Апостольскій администраторъ Спиридонъ Литвиновичъ издалъ дня 31 октября (12 ноября) посланіе, извѣщающее о назначенной на 13 (25) ноября интронизаціи Яхимовича, на мѣсто котораго, скажемъ тутъ, уже 2 ноября именованъ былъ перемышльскимъ епископомъ Тома Полянскій. Самъ Яхимовичъ прибылъ во Львовъ 5 ноября. Дальшій перечень дѣйствій, якъ и самъ актъ торжественной интронизаціи описаны въ вѣденскомъ „Вѣстнику“, н-ръ 66, единственной тогдашней русской газетѣ.

По тому же поводу издалъ Б. А. Дѣдицкій книжечку п. з.: „Въ память торжественнаго дня 13 ноября 1860 года“, ибо тотъ день считался преважнымъ моментомъ для нашей Руси. Тамъ же помѣщены 11 привѣтственныхъ стихотвореній отъ благодарныхъ сыновъ Руси, привѣтственныхъ рѣчи и численныи митрополиту сложенные адресы. А тотъ восторгъ, съ якимъ ни передъ, ни по немъ еще никого Русь такъ не чествовала—то именно составляетъ величіе Яхимовича. Русь давно познала въ немъ мужа по сердцу своему, знающаго за ню постояти.

Уже въ январѣ 1861 года стала выходить во Львовѣ подъ покровительствомъ Яхимовича и при содѣйствіи многихъ русскихъ патріотовъ и за кавцію, сложенною Мих. Качковскимъ, подъ редакцію Б. А. Дѣдицкаго, политическая газета „Слово“, превосшедшая якъ „Зорю Галицкую“ (1848—1856 гг.) такъ и „Вѣстникъ“ (1849—1869 гг.) и издававшаяся позднѣйше подъ редакцію В. М. Площанскаго до мѣс. іюля 1887 г.

Извѣстно, що Б. А. Дѣдицкій пользовался великою приклонностью Качковского и Яхимовича, которыи въ началѣ изданія „Слова“ ему ежемѣсячно правильно даже матерьяльно помогали. Случилось, що за якін-то вольныи или невольныи прегрѣшенія тене-рѣшній ветеранъ-патріотъ изъ Мышина о. Іосафатъ Кобрынскій, достался на эпитимію, говоря техническимъ у насъ выраженіемъ: „подъ сходки у св. Юра“. Дѣльными статьи сего патріота принималъ Дѣдицкій безусловно въ свою газету. О. Іосафатъ, роздумуя въ-

роятно надъ суетами сего міра, подсунулъ Дѣдицкому въ „Слово“ що-то въ родѣ дьяковской нужды а выставной жизни духовного начальства у святого Юра, редакторъ же безъ критическаго досмотра умѣстилъ статейку, въслѣдствіе чего Яхимовичъ имѣлъ на редактора весьма негодovati и ихъ отношенія охолодѣли.

Въ то же время, когда и во главѣ львовской полиціи стоялъ человекъ русской народности, директоръ Хоминскій, могли печатно издаться такіе сочиненія, якъ Widok przemosu Бродовича въ двухъ частяхъ, *Annales ecclesiae Ruthenae* и *Kirchen- und Staatssatzungen* Мих. Малиновскаго. Все то могло произойти лишь въ такъ счастливое время, когда Яхимовичъ позволялъ пользоваться архивальными документами консисторскими, поощрялъ труженниковъ, благословилъ ихъ начинанія, и подобно якъ Качковскій, радовался каждою русскою буквою. Теперь конфискуются того рода изданія, чтобы Русь ничего не знала, или плохо и изъ поддѣльныхъ источниковъ училась о своей минувшости. А якіе теперь времена, якіе наши церковно-народныя отношенія, якіе у насъ люди-дѣятели, якіе всякаго рода церковныя и политическіе начальники, настоятели и руководители !...

То все считаемъ первымъ хорошимъ позитивнымъ явленіемъ временъ Яхимовича. Другимъ такимъ отраднымъ явленіемъ были весною того же года состоявшіеся первыя выборы въ львовскій сеймъ. Случилось бо такъ счастливо, якъ никогда больше до сихъ

поръ, що 3 апрѣля русины, ободренныи письмами и авторитетомъ Яхимовича, избрали 47, значить по выборовой ординаціи наибольшее возможное число русскихъ пословъ, въ ихъ числѣ 17 селянъ и 30 человекъ духовной и мірской интеллигенціи. Хотя 47 русскихъ на 150 всѣхъ пословъ не имѣли рѣшительного голоса, но все-таки было то поважное меньшинство, а русское слово часто и громко гомонѣло въ соймовой саль, що даже удивлялись и тревожились, противники не хотѣвшіи и позволить на русскую рѣчь.

Третьимъ важнѣйшимъ дѣломъ было поднесеніе церковно-обрядового вопроса, которымъ, якъ Яхимовичъ, такъ и другіи русскіи патріоты того времени весьма интересовались. А были тогда у св. Юра того рода люди, якъ Литвиновичъ, Куземскій, Малиновскій, Петрушевичъ и другіи, на всякій случай мужи великаго сердца, ума и дарованій. Извѣстно бо, що Русь при принятіи униі, якихъ 200 лѣтъ тому назадъ, застерегла себѣ сохраненіе и ненарушеніе по вѣчныи времена—и къ тому обѣ стороны заровно обязались — своего греко-восточнаго обряда, календаря и всѣхъ уставовъ, и всѣ папы съ того времени ровно же клялись все то соблюдать. Такъ клялись взаимно и 1860 года папа Піи IX и Григорій Яхимовичъ. Но тогда, именно въ 1861 году, выступили русскіи патріоты и знатоки исторіи нашей церкви и ея обряда, якъ: Наумовичъ, Цыбикъ, Гушале-вичъ, Попель, Добрянскій, Галька и многіи другіи съ заявленіемъ и съ несбытыми доказательствами въ рукахъ стали голосити въ

„Словѣ“ и отдѣльных книжкахъ, що найважнѣйшія условія со стороны Рима не держаны, понеже обрядъ нашъ съ времени введенія уніи сильно смѣненъ въ формальномъ и вещественномъ взглядѣ, и долженъ бы быти по первобытному своему уставу очищенъ. Затѣмъ закипѣлъ всюда вопросъ обрядовщины,—улюбленная въ устахъ противниковъ „шизма“.

Такой мѣры чедовѣкъ якъ Яхимовичъ не могъ не поняті значенія того вопроса; онъ и составилъ отдѣльную обрядовую комисію, въ составъ которой входили: Малиновскій, Попель, Дьячанъ, Осадца, и тѣ-то мужи имѣли все належито розсмотрѣти и соотвѣтныи предложенія сдѣлати, въ цѣли очистки нашего обряда отъ примѣсей, взятыхъ съ временемъ изъ латинского обряда. Но якъ труды той комисіи, такъ и другіи благіи намѣренія, едва задуманныи или начатыи митрополитомъ Яхимовичемъ, не могли осуществитись. Все пропало въ самомъ началѣ и зародышѣ.

Въ издаванномъ Б. А. Дѣдицкимъ „Словѣ“ н-ръ 30 изъ 1863 г. напечатано на челѣ слѣдующее: „Самую печальнѣйшую вѣсть сообщаемъ Руси: Нынѣ, т. е. дня 17 (29) цвѣтня по 8 годинѣ рано упокоился нашъ возлюбленнѣйшій Отець-Владыка, Его Превосходительство Митрополитъ галицкой Руси киръ Григорій Яхимовичъ, переживши лѣтъ 72 священной своей жизни. Совершенно здоровъ еще дня вчерашняго, онъ занедужалъ только около 2 часа по полуночи, и до рана драгоцѣннѣйшого житья не стало.“

Столько всего успѣла сообщить въ томъ днѣ появившаяся газета. Изъ слѣдующаго же ея 31 н-ра узнаемъ близшіи подробности о послѣднихъ минутахъ жизни покойнаго. Спати ложился онъ во вторникъ о 10 ч. якъ обыкновенно. Въ 2 часа по полуночи, пробудившись, почувствовалъ холодъ по всемъ тѣлѣ, и призванному служащему приказалъ затопити въ печи. Не смотря на жару въ комнатѣ, онъ все жаловался на стужу. Грудь его дышала тяжело, лице стало мѣняться. По 4 часѣ прибылъ призванный врачъ, послѣ и два другіи, пустили кровь, но она не шла уже изъ проколенной руки. Спасенія не было. Минута за минутою святитель упдалъ на силахъ: ноги, грудь, руки цѣпенѣли, наконецъ устами и носомъ выбухла кровь, а около $\frac{1}{2}$ 9 часа онъ скончался. При немъ были крылошанинъ Мих. Куземскій и капеланъ его о. Г. Стефановичъ. Завѣщанія ніякого не оставилъ, цѣлое же найденное имѣніе выносило около 4000 зр.

Когда лишь въ городѣ узнали о такъ нечаянной смерти святителя, распространили недруги вѣсть, будто смерть послѣдовала отъ отруенія. При бальсамованіи тѣла была переведена и специальная, строгая обдукція въ присутствіи судовой комисіи, при чемъ констатовано, що смерть послѣдовала отъ удара ревматичныхъ остоевъ на легкіи и на мозгъ.

Похороны святителя состоялись 22 апрѣля (4 мая), и въ н-рѣ 32 „Слова“ было напечатано описаніе таковыхъ. Чинъ погребенія въ которомъ участвовало до 1000 священниковъ всѣхъ трехъ католическихъ обрядовъ, про-

должался отъ 8 час. утра до 6 час. пополудни; гробъ былънесенъ нынѣшними улицами: Мицкевича, Кароля Людовика, Коперника и Л. Сапѣги на Городецкое кладбище. Бывшіи капеланы покойного оо.: Ю. Желеховскій, Г. Мазикевичъ, Вл. Добрянскій и Г. Стефановичъ, несли митрополичіи инсигніи. По причинѣ громаднаго числа похоронныхъ участниковъ, шествіе изъ св.-юрской церкви на кладбище продолжалось около четыре часа. Наочныи свидѣтели утверждаютъ, що кромѣ безчисленныхъ достойниковъ, представителей всѣхъ властей, корпорацій и др., было около 20.000 народа, и що такихъ величавыхъ похороновъ не помнятъ во Львовѣ.

То, що высказала редакція „Слова“ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ потрясающей вѣсти, есть того рода, що и мы съ нашей стороны ни добавити ни отняти ничего изъ того не можемъ. А сказано тамъ, що неожиданная потеря великого мужа, которому нѣтъ сегодня ровного, поразила сердца и умы всѣхъ щирыхъ сыновъ галицкой Руси. Подъ впечатлѣніемъ той нечаянной потери не можемъ даже въ теперѣшнюю минуту и оцѣнити ея значеніе, но що она была чрезвычайно велика, того найвѣрнѣйшимъ доказательствомъ печаль всей Руси. Григорію Яхимовичу належится эпитетъ: Отецъ народа. То имя, ему прислужующее, оправдывается полувѣковой дѣятельностью покойного. Но оно будетъ записано на вѣки нетлѣнными буквами на скрижалѣхъ нашей отечественной исторіи, оно явится живымъ памятникомъ въ сердцахъ великого народа.

Григорій Яхимовичъ былъ мужемъ, появленіемъ котораго ознаменовало Провидѣніе галицко-русскому народу лучшую долю. Подъ его покровомъ выростала и крѣпилася въ первыхъ дѣятеляхъ нашего народно-политического возрожденія надежда на счастливую будущность. Надоспѣло время, спріяющее осуществленію нашей надежды, а тогда явился Яхимовичъ найсильнѣйшимъ двигателемъ той надежды. Онъ выборолъ галицкой Руси становище въ составѣ австрійской державы, и оставилъ насъ въ надеждѣ, що, ступая путемъ чести и правды, при патріотичной дѣятельности народа, чего покойникъ давалъ собою наилучшій примѣръ, прочее при помощи Божьей съ временемъ осуществится.

Почувствовавши свободнѣйшую жизнь, приступила Русь со всѣмъ усердіемъ къ подвигненію всего, що составляетъ нашу народность. Святой нашъ восточный обрядъ, который есть составною частью нашей народности и найсильнѣйшимъ ея забороломъ, былъ предметомъ особенной печаливости Яхимовича, но вознамѣренному нимъ великому дѣлу смерть положила предѣлъ.

Изъ жизни Яхимовича, яко митрополита, добавимъ тутъ, що за его управленія архіепархією была построена въ Подлютомъ, митрополичемъ имѣніи, деревяная часовня и що онъ же вознамѣрялъ поднести Подлютое въ рядъ первостепенныхъ купельныхъ заведеній. Довершеніе того дѣла пало на долю наслѣдниковъ.

Яко вторичный ректоръ львовского университета на 1861/2 шк. годъ (тогда из-

бирались на то достоинство мужи также изъ по-за професорскихъ колегій) выхлопоталъ Яхимовичъ въ Вѣднѣ, що были покуплены для того же университета новыи инсигнії, старыи бо потерялись при бомбардованіи города въ 1848 г. Тѣ новыи инсигнії посвятилъ Яхимовичъ 9 мая 1862 г. въ университетскомъ костелѣ св. Николая. Послѣ состоялось торжество въ университетской аулѣ; рѣчь держалъ по-латини продеканъ богословского факультета д-ръ Солецкій (теперь бискупъ перемышльскій), Яхимовичъ же отвѣтилъ долгою латинскою рѣчью. Слѣдующаго дня сказалъ д-ръ Кергель, професоръ класической филологіи, своимъ слушателямъ-богословамъ: *Der ruthenische Erzbischof spricht lateinisch wie Cicero.*

Яхимовичъ не только позволялъ, но и заохочивалъ богослововъ, чтобы современно студіовали предметы и на философскомъ факультетѣ. Благодаря тому обстоятельству, множество нашихъ гимназіальныхъ учителей кончили современно богословіе, и еще яко питомцы выдержали учительскій испытъ изъ русскаго языка, якъ на пр. бл. п. Иванъ Авкс. Глѣбовицкій, о. Гудыкъ, проф. Партыцкій и др., а Кл. Ганкевичъ яко богословъ выдержалъ два философскіи ригорозы. По повелѣнію Яхимовича были покуплены многіи книги для семинарскай бібліотеки. За митрополита Литвиновича чѣмъ разъ больше утруднялись уже такіи практики, именно чтобы на издержки семинаріи воспитывались професоры, а за митрополита Іосифа Сембратовича уже совершенно было запрещено

богословамъ посвѣщати философскій факультетъ.

И не стало человѣка, который свѣтлымъ блескомъ своего имени, своимъ характеромъ, авторитетомъ своей учености, политическимъ тактомъ достойно репрезентовалъ галицкую Русь. Наибольшого сына нашихъ временъ похоронила Русь тогда и потеряла безвозвратно. Сумно стало съ той поры на нашей Руси, тѣмъ сумнѣйше, що начатое дѣло не было кому въ томъ же направленіи довести дальше къ счастливому концу. Повели насъ дальше честолубивый Литвиновичъ, именований митрополитомъ 30 іюня 1863 г. и Лавровскій, податливый угодовецъ-оптимистъ. Синодъ состоялся въ 1891 г. О такомъ ли мечталь Яхимовичъ и его помощники,—то вопрошь, не подходящій еще сегодня подъ оцѣнку.

VII.

На окончаніе.

Со смертію Яхимовича кончилось все, кончилъ и я скромный мой трудъ, посвященный памяти того великого мужа. Слѣдуетъ однако еще що-то додати въ заключеніе. Если приведенныя подробности о жизни и дѣятельности такъ знаменитого человѣка надто ничтожны и скромны, то нехай извинить насъ изреченіе: *in magnis voluisse sat est*. Важнѣйше всего, що въ подлежащемъ очерку не хотѣли мы никого затронуть, никого обидѣти, хотя изъ контекста, можетъ быть, и вышло

*

терпкое для кого-нибудь слово. Въ такъ важномъ розсужденіи мы были далеки отъ какой-нибудь тенденційности и злонамѣренности.

Съ 30 н-ромъ „Слова“ 1863 г., якъ началось, такъ безпрестанно продолжалось множество стихотвореній, посвященныхъ Яхимовичу. Якъ дѣти не такъ скоро забудутъ смерть матери, такъ плакала Русь за своимъ отцемъ Григоріемъ. Появлялись безчисленныя кореспонденціи о заупокойныхъ богослуженіяхъ. Питомцы львовской духовной семинаріи рѣшили черезъ цѣлый годъ носить жалобу. Ежегодно творено поминанія въ день его смерти.

По смерти Яхимовича былъ его портретъ во львовскомъ университетѣ поставленъ между портретами ректоровъ-магнификовъ того же университета. Передача портрета состоялась дня 10 іюля 1865 г. („Слово“ н-ры 12 и 14). Окончившій богословіе и д-рандъ философіи Клим. Ганкевичъ по долшой латинской рѣчи, начинавшейся словами: *Quod Salustius testatur, plurimos ac clarissimos viros solitos esse ita dicere: cum maiorum imagines intuerentur, animum sibi vehementissime ad virtutem accendi, id nobis quoque hodie evenire par est* — передалъ портретъ академическому сенату на руки ректора Солецкого, который его принялъ и изъявилъ признательность богословамъ за то, що почитаютъ память своего архіерея.

Еще при номинаціи Яхимовича митрополитомъ галицкой Руси въ 1860 г. возникла мысль основати стипендію его имени, и то

отъ духовенства перемышльской епархіи, яко для своего бывшего владыки. Если не ошибаемся, то первый пок. о. Іоаннъ Гомикъ, яслискій деканъ, собралъ на ту цѣль 41 зр.; позднѣйше весьма усердно занимался тѣмъ дѣломъ пок. о. Іоаннъ Коростенскій, приходникъ Грушева и деканъ мокрянскій. Дѣло основанія стипендіи имени Григорія было передано Ставропигійскому Институту, и тотъ же въ 38 н-рѣ „Слова“ изъ 1863 года помѣстилъ отавъ, що намѣренъ основати стипендію въ высотѣ 150 зр. въ годъ. До сихъ поръ собралъ Ставропигійскій Институтъ выше 7000 зр. на ту цѣль, и есть полная надежда, що стипендія войдетъ вскорѣ въ жизнь.

Отдѣльно и независимо, сейчасъ по смерти Яхимовича, возникъ проектъ соорудити памятникъ на могилѣ покойного. На ту цѣль собрано якій-то фондикъ и поставлено памятникъ на Городецкомъ кладбищѣ, гдѣ Яхимовичъ былъ похороненъ. Кромѣ того живописецъ Антоній Яблоновскій, жившій тогда въ Вѣднѣ, изготавилъ въ 1866 г. портретъ покойного натуральной величины, умѣщенный сегодня въ салѣ засѣданій управляющаго Совѣта въ „Народномъ Домѣ“.

Въ 1872 году рѣшилъ Совѣтъ того же „Народного Дома“, чтобы изъ фонда, собранного на увѣковѣченіе памяти Григорія Яхимовича, обратити одну часть на консервацію его надгробного памятника, другую же на стипендійныя запомаги для учащейся молодежи мѣстныхъ гимназій. Въ той цѣли былъ выдѣленъ капиталъ 1400 зр., и съ того времени ежегодно получаютъ 10 учениковъ се-

реднихъ школъ по 5 зр. по возможности въ день смерти святителя Григорія.

Дальше уже, въ 1875 г., встрѣчаемъ слѣды фондика на жизнеописаніе Яхимовича. Именно за инициативою незабвенного А. А. Палюха, сложили воспитанники бурсъ „Народного Дома“ крайцаровы лепты и умѣстили на сберегательной книжечкѣ. Сума та выносила тогда 26 зр. 71 кр. А такъ якъ съ того времени все утихло, то сегодня тотъ фондъ выносить всего около 38 зр. Такимъ образомъ и проектъ составленія жизнеописанія первѣйшого изъ сыновъ галицкой Руси остался лишь задушевнымъ, но до сихъ поръ не реализованнымъ желаніемъ.

Между-тѣмъ стали голосно говорить о закрытіи Городецкого кладбища. Не будь того, былъ бы и слѣдъ пропалъ по Яхимовичѣ, якъ пропалъ по Ангеловичѣ, могилы котораго не можно было отыскати. Въ виду того „Народный Домъ“, яко дѣйствительный представитель русскаго народа, рѣшилъ въ 1878 году перенести мощи покойнаго святителя на Лычаковское кладбище во Львовѣ. А понеже на томъ кладбищѣ находились также мощи другихъ святителей, якъ и высокихъ русскихъ достойниковъ, дѣти и внуки которыхъ еще были въ живыхъ и можно было предполагати, що и они отъ такого проекта перенесенія мощей не откажутся, то начались переговоры, результатомъ которыхъ было рѣшеніе: построить общую гробницу для нѣкоторыхъ духовныхъ достойниковъ и перенести ихъ тлѣныя останки на новое кладбище. По переведеніи всѣхъ къ тому нужныхъ формально-

стей, самъ актъ торжественнаго перенесенія состоялся въ четвергъ 10 (22) апрѣля 1880 года, въ 4 часа по полудни, о чемъ и мѣстная львовская публика была извѣщена особыми плакатами, провинція же газетами.

Выкопка домовинъ состоялась въ среду 9 (21) апрѣля. Мощи Григорія и деревянный гробъ оказались по 17 лѣтахъ довольно зубомъ времени истреблены, но всѣ же были найдены цѣлы. Гробъ Литвиновича не былъ вскрытъ. Старыя гробы были вложены въ новыя, деревянныя, черно роскрашенныя, Яхимовича же въ металлическій гробъ. Издержки относительно перенесенія тѣла Яхимовича принялъ на себѣ „Народный Домъ“ и расходовалъ на ту цѣль около 1000 зр.; перенесеніе другихъ тѣлъ состоялось на счетъ митрополитой капитулы.

Похоронное шествіе открывали львовскіи церковныя братства съ хоругвями; за ними шли два хоры пѣвцевъ, одинъ семинаристовъ, а другіи обоихъ бурсъ и другихъ аматоровъ пѣнія, дальше воспитанники духовной семинаріи въ двохъ рядахъ, за ними духовенство въ ризахъ, а въ концѣ епископъ-суфраганъ Сильвестръ и митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ. За ними несено вѣнцы, послѣ же самую домовину съ мощами незабвеннаго батька Руси Григорія; несли попеременно: духовенство, питомцы, академики и другіи молодыя міряне, затѣмъ порожній но буквально съ горы до долины вѣнцами окрытый парадный караванъ. Дальше двигались караванныя возы съ гробами: митрополита Спиридона Литвиновича, передъ которымъ несли

университетскіи студенты вѣнецъ, послѣ епископа-суфрагана Іоанна Бохенского, крылошанъ: Мартина Барвинского, Іоанна Лотоцкого, Никиты Ижака, за которымъ шли сродники, и наконецъ Андрея Дуткевича. Гробъ первого митрополита Антонія Ангеловича трудно было отыскати.

Русская интеллигенція одѣта была въ черное платье, асиста изъ бурсаковъ имѣла черныи, члены „Академического Кружка“ червоныи ленты. Видѣвшіи похороны въ 1863 г. утверждаютъ, що теперѣшніи были еще больше величавыи. Тысячи людей заполняли кладбище, прилегающіи площади и улицы, ибо то было невиданное до теперь во Львовѣ трогательно-маестатичное шествіе, въ которомъ приняли участіе ректоратъ университета съ деканатами и педелями, около 60 священниковъ мѣстныхъ и изъ провинціи. И похоронено покойниковъ: Григорія въ одну, Литвиновича и Бохенского въ другую, а 4 крылошанъ въ третью гробницу одной общей великой гробницы. Вѣнцы розобрала публика на память, а ленты были сложены въ музеѣ „Народного Дома“. Гробница та стоитъ на видномъ мѣстѣ недалеко головного входа на Лычаковское кладбище, но еще безъ креста и другихъ нужныхъ украшеній и выглядитъ якъ бы не оконченная. Одну третью часть расходовъ ея консерваціи принялъ на себе „Народный Домъ“, а двѣ третьи митроп. капитула.

И отсвѣжилаь тѣмъ достопамятнымъ актомъ память о добродѣтеляхъ, заслугахъ и великомъ отечестволюбіи Григорія, а тружен-

ники сами скрѣпились къ новой жизни. Тому акту посвящены вступительныя статьи „Слова“ н-ры 41 и 42 отъ 1880 года. Въ первой изъ нихъ между прочимъ говорится: „Сумное, но при томъ и памятное торжество сегодня въ столицѣ галицкой Руси. Галицко-русскій народъ, въ лицѣ своихъ представителей изъ всѣхъ сторонъ, переноситъ сегодня тѣнныя мощи своего незабвеннаго отца и воскресителя, кормчего и защитника, блаженной и незабвенной памяти митрополита Григорія барона Яхимовича. Многіи помнятъ еще его похороны передъ 17 лѣтами, такъ якъ съ того времени молодежь ежегодно устраивала поминальное Богослуженіе за упокой души отца-владыки, на Богослуженіяхъ являлись массы народа и память его передавалась отъ рода въ родъ. Сегодня запрещено молодежи поминати память для русской церкви и народа якъ и для австрійской державы высоко заслуженнаго человѣка. Но галицкая Русь не позабыла и не позабудетъ заслугъ Григорія, записанныхъ на страницахъ исторіи съ 1848 до 1863 годовъ. Въ томъ 60 періодъ во главѣ всякаго движенія галицкой Руси стоялъ незабвенный митрополитъ Григорій, и, разбудивши ю отъ сна, указалъ ей путь, которымъ должна ити до цѣли. И путемъ тѣмъ поступаемъ мы, вѣрныя сыны Руси, до сихъ поръ, не внимая на всякія препятствія, вспоминая всюду покойнаго заслуги и память, которые будутъ на Руси воспоминались отъ рода въ родъ.“

Не можно тутъ не помянути и другихъ мужей, перенесеніе мощей которыхъ тогда же

совершалось. Каждый изъ нихъ исполнялъ должности своего званія по совѣсти, по силамъ, знаніямъ и понятіямъ, а нѣкоторые изъ нихъ не мало заслужились, якъ на пр. Лотоцкій, около постройки „Народного Дома“. А всѣ они отличались твердымъ, чистымъ и прямымъ русскимъ характеромъ; были то „святоюрцы“, которыхъ любили свои и уважали чужіи. Ихъ же всѣхъ превышалъ только своими свойствами и былъ всѣмъ примѣромъ, наставникомъ, руководителемъ — Григорій; для того и при тѣхъ похоронахъ соперничала вся Русь безъ изъятія, дабы доказать свѣту, що она знаетъ оцѣнити по достоинству характеръ и заслуги мужей, послужившихъ съ пользою отечеству.

Ежегодно во второй день праздниковъ Сошествія св. Духа украшаютъ воспитанники бурсы „Народного Дома“ могилу Григорія зеленью и цвѣтами и совершается надъ нею парастасъ.

Львовъ, въ день верховныхъ апостоловъ
Петра и Павла 1892 г.

Дополненія къ біографіи Яхимовича.

(Написалъ Кириллъ Л. Левицкій).

Прочитавши начало жизнеописанія незабвенного владыки бл. п. Григорія Яхимовича, печатавшееся въ фейлетонѣ „Галицкой Руси“, пересылаю на желаніе почт. автора нѣкоторые

исправленія що-до семейства покойного митрополита, которое жило когда-то въ селѣ Белзецѣ, повѣта и деканата золочевского; гдѣ я воспитался и гдѣ до сихъ поръ мои родители проживаютъ. Предлежащія дополненія подаю на основаніи книгъ метрикальныхъ дочерной церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы въ Белецѣ, якъ также по устному преданію моей бабки Евдокии изъ Домбровицкихъ Левицкой и моего отца Луки Павловича Левицкого, приходника въ Белецѣ, которая семья уже выше 260 лѣтъ непрерывно въ названномъ селѣ мѣсто приходскихъ священниковъ занимаетъ.

До 1814 г. были въ Белецѣ два приходы: бл. п. Кирилль Домбровицкій, женатый съ Марією Почапскою, былъ настоятелемъ прихода Св.-Николаевской церкви, Андрей же Яхимовичъ, женатый съ Ксенією изъ Домбровицкихъ, родною сестрою Кирилла Домбровицкого, настоятелемъ прихода церкви Благовѣщенской. Андрей Яхимовичъ былъ роднымъ дядею покойного владыки Григорія, который часто изъ школъ и изъ Вѣдня пріѣздилъ въ Белзецъ посѣтити своего дядю. Андрей Яхимовичъ умеръ дня 22 февраля 1814 г. по пяти-дневной болѣзни, проживши 78 лѣтъ; его жена, Ксенія изъ Домбровицкихъ Яхимовичъ, умерла дня 17 мая 1811 г., проживши 61 лѣтъ.

Дѣтей у Андрея и Ксеніи Яхимовичей было 9: Іоаннъ Яхимовичъ, рожденъ 4 сентября 1786 г., умеръ 13 іюля 1788 г.; Іоаннъ Яхимовичъ рожденъ 26 февраля 1789 г.; Феодоръ Яхимовичъ рожденъ 19 іюня 1791 г., умеръ 5 января 1799 г.; Ева Яхимовичъ рож-

денная 30 августа 1793 г., умерла 24 марта 1794 г.; Θεодоръ Яхимовичъ рожденъ 7 марта 1799 г.; Февронія умерла 7 декабря 1798 г. на 3 году жизни; Марта умерла 10 апрѣля 1799 г. на 22 году жизни; Марія умерла 29 іюля 1802 г. на 20 году жизни и Анна умерла 22 января 1803 г. на 18 году жизни. Изъ всѣхъ дѣтей остались только два сыны въ живыхъ: Іоаннъ, живописецъ въ Вѣднѣ, и Θεодоръ, врачъ, переселившійся въ Россію, гдѣ бездѣтно умеръ. Θεодоръ Яхимовичъ, рожденъ 7 марта 1799 г., двоюродный братъ Григорія, врачъ въ Россіи, былъ послѣдній разъ въ Галичинѣ въ 1839 году и, посѣтивши покойного Григорія, тогдашняго ректора львовской семинаріи, спрашивалъ, живутъ ли якіи сродники въ Белзѣ. Узнавши отъ Григорія и отъ моего бл. п. отца Луки, въ то время слушателя первого года богословія, що въ Белзѣ проживаетъ еще моя бабка Евдокія изъ Домбровицкихъ Левицкая и ея братъ Іоаннъ Домбровицкій, теточныи сродники Іоанна, Θεодора и Григорія Яхимовичей — выбрался врачъ Θεодоръ Яхимовичъ въ Белзецъ изъ Львова, прибылъ въ самъ день навечерія Рождества Христова въ 1839 г. и, проведши тамъ праздники, хотѣлъ забрати съ собою въ Россію Іоанна Домбровицкого и отдать ему управленіе своихъ трехъ селъ въ Россіи. Но Іоаннъ Домбровицкій, имѣя тогда уже 58 лѣтъ, отказался отъ поѣздки въ Россію и съ тѣхъ поръ уже Θεодоръ Яхимовичъ въ Галичину не пріѣзжалъ. Умеръ ли онъ и кто унаслѣдовалъ его имѣніе — неизвѣстно; въ 1839 г. числилъ онъ 40 лѣтъ жизни и былъ холостякъ.

Андрей Яхимовичъ, дядя Григорія, былъ въ Белѣцѣ приходникомъ при церкви Благовѣщенской въ продолженіи 40 лѣтъ. Былъ то такъ зовимый „водосвятникъ“; люди изъ всѣхъ сторонъ прїѣздили къ нему: бѣсноватыи, хромыи и съ различными болѣзнями. Андрей Яхимовичъ каждого дня служилъ св. литургію, по которой для желающихъ святить воду и, якъ мнѣ моя бабка розказовала, — только на Рождество и Великдень былъ у него супокій, впрочемъ всегда стояло полно воевъ съ больными. Прїѣзжали и бездѣтныи супружества, которымъ онъ также воду святить, а понеже нашъ селянинъ кромѣ водосвятія хочетъ еще и лѣкарства, то покойный Андрей Яхимовичъ давалъ засушенные зела, которые собиралъ пономарь на кладбищѣ, вручая таковыи больному съ словами: „О западѣ солнца наліи „серденько“ въ горнецъ воды, вложи зелье, облѣпи горнецъ, вари и молися черезъ цѣлую ночь, а передъ восходомъ солнца напійся изъ горщика съ трехъ сторонъ и будешь „серденько“ здоровъ.“

Роста былъ Андрей Яхимовичъ малого, но весьма сильного тѣлосложенія, чорнявыи на лицѣ, веселый и остроумный, больше ѣздилъ на конѣ, чѣмъ на возѣ. Былъ онъ такъ сильный, що когда однажды ѣхалъ на своемъ старомъ „буланомъ“ конѣ, на двѣ недѣли передъ смертію, и конь часто по замералой грудѣ потыкался — Андрей слѣзъ изъ буланого, хватилъ его за гриву и такъ сильно кинулъ нимъ о землю, що, ударивши головою о замерзлу землю, конь на мѣстѣ погибъ. Возвратившись пѣшкомъ домой, былъ Андрей такъ

тѣмъ случаемъ тронуть, що черезъ двѣ недѣли и самъ ходячи умеръ. Люди считали Андрея ворожбитомъ и его словамъ слѣпо вѣрили, а понеже Андрей былъ весьма остроумный, то не рѣдко и съ просящими о совѣтѣ селянами шутилъ. Однажды вѣхаль онъ черезъ приходъ моего прадѣда, Корнилія Домбровицкаго, и узрѣлъ, якъ селянинъ новую стодолу латилъ.

— Дай Боже счастья серденько! — сказалъ.

— Дай Боже! — отвѣчаетъ селянинъ и спрашиваетъ о. Андрея, построена ли стодола въ добромъ и чистомъ мѣстѣ? О. Андрей поднялся на возъ, повелъ носомъ по сторонамъ и сказалъ:

— О, серденько, не въ добромъ мѣстѣ ты стодолу построилъ; туда имѣетъ чортъ перелетъ изъ Бѣлого Камня въ Скваряву, то всегда тебѣ о стодолу или рогомъ, или хвостомъ зачепати будетъ.

— А гдѣ же стодолу пересунути? — спрашиваетъ господарь.

О. Андрей указалъ мѣсто о 3 локти дальше, и селянинъ, созвавши сосѣдовъ, сейчасъ на указанное мѣсто стодолу пересунулъ.

Властителемъ Белца былъ Зингеръ, апеляційный совѣтникъ, и тотъ ежегодно прѣздилъ на нѣсколько недѣль на жилище въ село. Однажды нуждался о. Андрей въ дубахъ на якую-то постройку. Взялъ онъ 8 возовъ, вывѣхаль въ дубовый лѣсъ подъ село Почапы и велѣлъ 8 дубовъ срубати. Побережникъ, послушавши рубку дубовъ, поспѣшилъ

въ лѣсъ и, узрѣвши о: Андрея и 8 воевъ, чѣмъ скорше побѣгъ до двора до Зинберга.

— A co ty mi powiesz? — спрашиваетъ помѣщикъ.

— Прощу пана, чи панъ знаютъ, що ксендзъ выѣхалъ съ 8 возами въ лѣсъ и 8 дубовъ срубалъ?

— Ja nic nie wiem i nie pozwalałem, ale ty udaj że nie widzisz. To wróźbit, jeszcze mi tu diabłów naszle; niech dęby zabiera kiedy chce.

О. Андрея называли „ксендзомъ вишневымъ“, бо коло церкви Благовѣщенской былъ садъ вишневый, отъ котораго и священника прозвали.

Уздоровленные нимъ больные прїѣздили часто съ благодареніемъ, подарками и жертвами. За тѣ послѣдніи построилъ Андрей Яхимовичъ въ 1795 г. новую церковь на мѣстѣ малой часовни, а въ 1800 г. купилъ на собственные средства хорошій иконостасъ. Церковь и иконостасъ находятся до сегодня въ Белзѣ; все построено и украшено издержками о. Андрея Яхимовича, якъ о томъ написи въ царскихъ вратахъ свидѣлствуютъ.

О. Андрей Яхимовичъ почиваетъ при церкви Благовѣщенской, на могилѣ же его лежитъ каменная плита съ польскою надписью.

Содержаніе.

Введеніе	5
I. Молодой вѣкъ Яхимовича	9
II. Григорій Яхимовичъ учителемъ	15
III. Яхимовичъ епископъ-суфраганъ	27
IV. Григорій Яхимовичъ яко политикъ	35
V. Яхимовичъ епископъ	63
VI. Яхимовичъ митрополитъ	70
VII. На окончаніе	83
Содержаніе и опечатки	96

Дополненіе.

Единственная сестра Григорія Яхимовича была за Кропивницкимъ, приходникомъ Бучача, и упокоилась бездѣтно въ 1855 г.

О п е ч а т к и.

Стор.	28	мѣсто	русского	читай	польского.
"	87	"	Березня	"	Березня.
"	44	"	Нечипорчукъ	"	Нечипорукъ.
"	47	"	що была	"	щобы была.
"	47	"	Russinen	"	Russinów.
"	54	"	перемышльской	"	львовской.
"	54	"	мное	"	мноее.
"	59	"	племянника	"	братанка.
"	59	"	упоминаемъ	"	упомнемъ.
"	60	"	Вѣдня	"	Оломунця.
"	61	"	Венгрія. Буковина имѣла	читай	Венгрія и Буковина имѣли.
"	61	"	райхсратъ	читай	райхстагъ.
"	73	"	готичкою	"	готичкою.

---

3 2044 004 830 0

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
FEB 10 1992
AUG 4 1992

